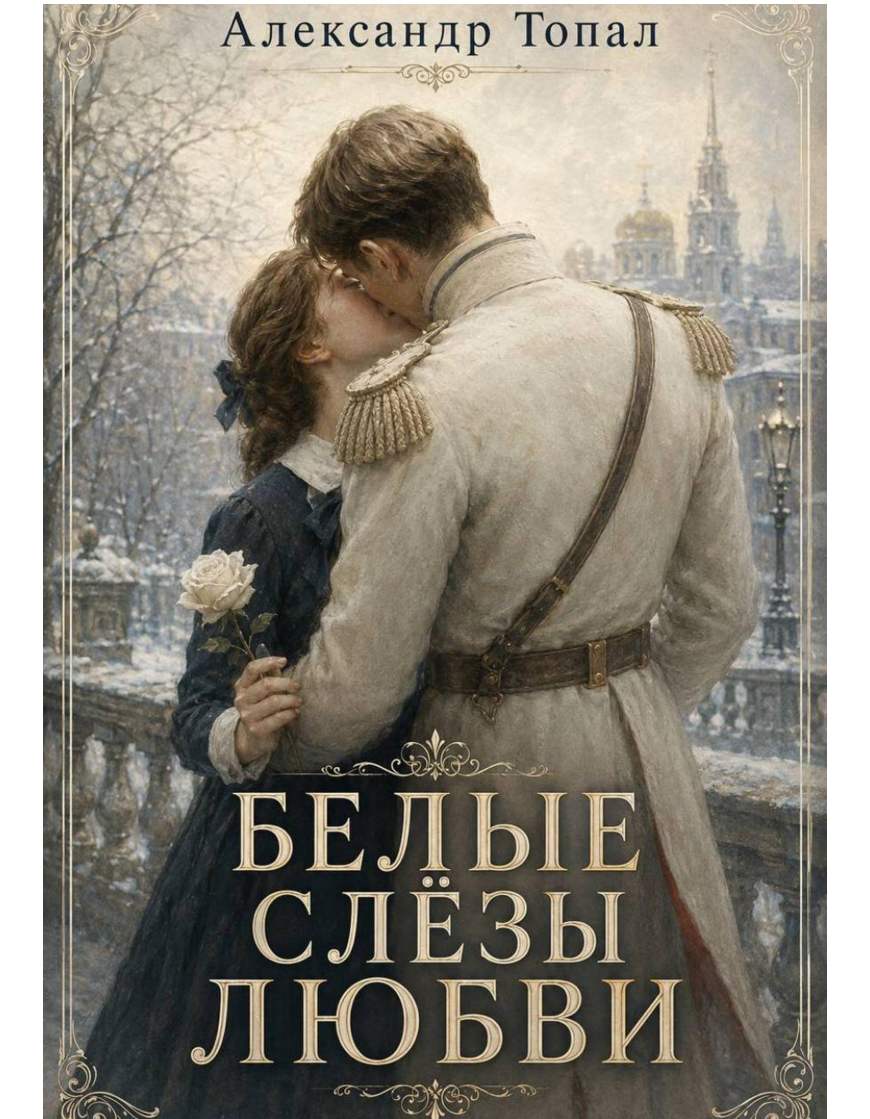

Александр Топал

БЕЛЫЕ
СЛЁЗЫ
ЛЮБВИ

Александр Топал

Белые слёзы любви

<https://litres.ru/74469053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Санкт-Петербург, 1905 год. Молодой Павел Курдей, раненный во время революционных событий, знакомится с Марисей Немчин — девушкой из обеспеченной семьи. Их встреча становится началом большой любви, которой предстоит пройти через войну, революцию, семейные потери и крушение привычного мира.

У них появятся дети, дом, надежды и планы на будущее. Но большая история всё настойчивее будет входить в их жизнь: Первая мировая война, 1917 год, переезд из Петрограда, первые годы новой власти.

«Белые слёзы любви» — семейно-исторический роман о любви, верности, вере и человеческом достоинстве. О том, как сохранить себя, когда рушится прежний мир, и о любви, которая способна пережить страх, разлуку и даже смерть.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Белые слёзы любви

Глава

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 ЧУЖОЙ ЧЕЛОВЕК

Глава 1. АНГЕЛ

1905 г. Когда туман начал рассеиваться, Павел увидел прямо над собой лицо ангела с голубыми глазами. Совсем близко — так близко, что он различал каждую ресницу. Ангел склонился над ним и внимательно смотрел ему в глаза.

— Очнулся! — произнёс ангел женским голосом.

«Что-то здесь не так, — подумал Павел. — И почему у ангела такие красивые голубые глаза?..»

— Хотите пить? — снова спросил ангел.

Туман перед глазами окончательно растаял, и Павел понял, что лежит на узкой госпитальной кровати. Почти сразу голову пронзила такая боль, что он невольно зажмурился. Попытался коснуться виска рукой и нащупал тугую повязку, охватывавшую едва ли не половину головы.

— Где я?.. Что со мной?.. — попытался произнести он пересохшими губами.

Но вместо слов вырвался едва слышный хрип.

Ангел оказался молодой девушкой. Гимназисткой старших классов, которая после занятий приходила в госпиталь

и помогала сёстрам милосердия ухаживать за ранеными.

— Вам нужно немного воды.

Она осторожно приподняла его голову и поднесла к губам чашку.

Павел сделал несколько глотков. После двух суток беспмятства и пустоты в желудке ему показалось, будто холодная вода растекается по всему телу, возвращая его к жизни.

«Кажется, и голос вернулся...»

— Кто вы? — уже значительно увереннее спросил он.

Девушка улыбнулась.

— Меня зовут Маша. Я ухаживаю за вами и ещё за несколькими тяжёлыми больными.

— Что со мной случилось? Почему я здесь? Я ничего не помню...

Улыбка исчезла с её лица.

— Вас привезли без сознания. Но живого. А вот двое жандармов, которых доставили вместе с вами, умерли.

Павел нахмурился, пытаясь что-нибудь вспомнить.

Маша продолжила:

— Два дня назад, в воскресенье, вы вместе с солдатами пытались остановить толпу, которая шла к Зимнему дворцу. Потом началась стрельба. Пуля попала вам в голову и застряла в кости черепа. Вас привезли сюда, и Михаил Аристархович, наш ведущий хирург, сделал операцию и достал пулю. Он сказал, что вам очень повезло.

Павел несколько мгновений молчал.

— Значит, сегодня уже вторник?... Я потерял два дня своей жизни.

И вдруг словно вспомнил что-то гораздо более важное:

— А что с мятежниками? Государь? Как Государь? Он жив?

Маша немного растерялась от неожиданного напора вопросов.

— Родители говорили, что Государь жив и здоров. Его в Зимнем дворце не было. Он находился за городом, с семьёй. А вот простых людей погибло много... По городу чего только не рассказывают. Говорят, сотни. Некоторые даже говорят — больше тысячи. И девятое января уже называют Кровавым воскресеньем.

Павел попытался приподняться, но тут же поморщился от боли.

— Когда меня выпишут? Я должен вернуться в строй. Если Государю угрожает опасность...

Маша смотрела на него с лёгкой, почти детской улыбкой.

— Никуда вы пока не вернётесь. Сейчас к вам подойдёт доктор и всё объяснит. А мне нужно бежать к другим больным.

Она уже повернулась, собираясь уходить, когда Павел окликнул её:

— Маша!

Девушка обернулась.

— Я ещё смогу вас увидеть?

На мгновение в её голубых глазах мелькнуло что-то лукавое.

— Сможете. Если захотите.

И выбежала из палаты.

Павел ещё некоторое время смотрел на закрывшуюся за ней дверь.

«Гимназистка... Наверное, из старших классов. Значит, лет восемнадцать. А мне двадцать два...»

Он поймал себя на этой мысли и тут же внутренне одёрнул:

«Что со мной? Как мне не стыдно думать о девушке, когда Государю Николаю Александровичу, Помазаннику Божию, может угрожать смертельная опасность?»

В этот момент к кровати подошёл дежурный доктор — пожилой мужчина с седыми бакенбардами и круглыми очками.

— Ну-с, батенька, каково самочувствие ваше-с?

Павел начал что-то отвечать доктору, рассказывал о боли, пытался выяснить, когда сможет подняться с постели, но мысли его упрямо возвращались к одному и тому же лицу.

К Маше.

К её голубым глазам.

И от этого становилось удивительно тепло на сердце.

Так тепло, словно кто-то взял маленький чайник с тонким носиком и осторожно, капля за каплей, начал лить прямо ему на сердце тёплую воду.

А Маша тем временем бегала из палаты в палату, меня-

ла воду, поправляла одеяла, помогала подавать лекарства и старалась совсем не думать о молодом офицере с перевязанной головой.

И почти преуспела в этом.

Почти.

Только поздним вечером, вернувшись домой, отужинав с маменькой и тятенькой и наконец забравшись под тёплое одеяло, она неожиданно снова увидела перед собой его лицо.

Павел.

Почему именно он?

В госпитале лежали десятки раненых. Она разговаривала со многими. Помогала многим.

Но думала сейчас почему-то о нём.

Маша закрыла глаза и улыбнулась в темноте.

А потом ей показалось, будто где-то внутри живота проснулись маленькие бабочки и принялись тихонько щеко-тать её своими крылышками.

С этим странным, незнакомым и необыкновенно приятным чувством она и уснула.

Глава 2

Белая роза

1905 г. На следующее утро Павел проснулся раньше остальных.

В палате было ещё полутемно. За высокими окнами лени-

во занимался зимний петербургский рассвет, и серый свет едва пробивался сквозь морозные узоры на стёклах.

Голова болела уже меньше.

Это Павел отметил сразу.

Но почти следом за этой мыслью появилась другая:

«Придёт ли она сегодня?»

Он даже рассердился на себя.

Ещё вчера он думал о Государе, о беспорядках, о службе, о том, как скорее вернуться в строй. А теперь лежал и прислушивался к каждому шагу в коридоре, словно мальчишка.

Сначала прошёл санитар.

Потом сестра милосердия принесла лекарства.

Потом заглянул доктор.

Маши не было.

— Ну-с, молодой человек, — произнёс Михаил Аристархович, осматривая повязку, — жить будете.

— А служить?

Доктор посмотрел на него поверх очков.

— Вам бы сначала научиться снова ходить по коридору, не держась за стену. А уж потом Отечество спасать.

— Но когда меня выпишут?

— Торопитесь?

Павел немного помолчал.

— Служба.

— Разумеется, служба, — усмехнулся доктор. — Все вы так говорите.

Он закончил осмотр и направился к соседней кровати.

Павел проводил его недовольным взглядом.

Время тянулось мучительно медленно.

Часы на стене словно нарочно решили издеваться над ним. Стрелка двигалась едва заметно, а дверь всякий раз открывал кто-нибудь другой.

К полудню Павел убедил себя, что совершенно не ждёт Машу.

К часу дня — что ему вообще всё равно, придёт она или нет.

К двум часам он уже почти поверил в это.

И именно тогда дверь открылась.

В палату вошла Маша.

На ней было простое тёмное платье, поверх которого она надела белый передник. Волосы были собраны, но несколько светлых прядей выбились из причёски и падали на виски.

В руках она держала небольшой свёрток и одну белую розу.

Павел почувствовал, как невольно улыбается.

— Добрый день.

— Добрый день, — ответила Маша.

— Я думал, вы сегодня не придёте.

Она остановилась.

— Значит, ждали?

Павел понял, что попался.

— Я?.. Нет. Просто заметил, что вас долго нет.

— Это и называется ждать.

Она улыбнулась и подошла ближе.

— Как голова?

— Уже почти не болит.

— Неправда.

— Почему?

— Потому что вы морщитесь каждый раз, когда пытаетесь повернуться.

Павел усмехнулся.

— Вы наблюдательны.

— Девушкам приходится быть наблюдательными. Мужчины слишком часто говорят не то, что есть на самом деле.

— А женщины?

— Женщины тоже. Только делают это лучше.

Павел рассмеялся и тут же схватился рукой за голову.

— Вот видите! — сказала Маша. — А говорили — не болит.

Она поставила свёрток на тумбочку.

— Что это?

— Пирожки.

— Мне?

— Не обольщайтесь. Маменька испекла для раненых.

— Значит, всё-таки не мне.

Маша задумалась на секунду.

— Один можете считать своим.

— Тогда благодарю.

Павел посмотрел на цветок в её руке.

— А роза тоже для всех раненых?

Маша почему-то смутилась.

— Нет.

— Для кого же?

Она взглянула на белую розу так, будто сама впервые задумалась, зачем принесла её с собой.

— Я купила её по дороге.

— Просто так?

— Просто так.

— В январе?

— А что?

— Цветы зимой не покупают просто так.

Маша прищурилась.

— Вы всегда задаёте столько вопросов?

— Только когда мне не отвечают.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Потом Маша неожиданно протянула ему розу.

— Возьмите.

Павел растерялся.

— Мне?

— Вам.

— Но почему?

— Чтобы меньше ворчали.

Он осторожно взял цветок.

Белые лепестки казались почти прозрачными на фоне гру-

бого серого армейского одеяла.

— Спасибо.

Теперь смутилась уже Маша.

Она отвернулась и принялась поправлять лекарства на тумбочке, хотя всё и без того стояло аккуратно.

— А почему вы здесь? — спросил Павел.

— Где?

— В госпитале. Вы ведь гимназистка. Могли бы после занятий гулять, читать романы, ходить в гости...

— А вы думаете, гимназистки только и делают, что читают романы?

— Разве нет?

— Конечно нет.

— Значит, ещё сплетничают?

Маша посмотрела на него с притворным возмущением.

— Вы невозможный человек.

— Мне уже говорили.

Она всё-таки рассмеялась.

Павлу нравилось, как она смеётся. Не громко, не жеманно, а будто сама старается удержать смех и от этого он становится ещё заразительнее.

— Так почему вы приходите сюда? — повторил он.

Маша стала серьезнее.

— Потому что здесь нужны руки.

— И только поэтому?

Она немного подумала.

— Когда человеку плохо, не всегда нужны лекарства. Иногда нужно, чтобы рядом просто кто-нибудь был.

Эта фраза неожиданно задела Павла.

Он посмотрел на неё уже иначе.

До этого он видел красивое лицо, голубые глаза, молодость.

Теперь впервые увидел самого человека.

— Вас так родители воспитали?

— Наверное.

— Кто ваш отец?

— Афанасий Михайлович Немчин.

— А чем занимается?

Маша немного помолчала, словно вопрос показался ей слишком личным.

— Служит. Папенька человек строгий, но добрый.

— А матушка?

— Анна. Она больше занимается домом и нами.

— Значит, Мария Афанасьевна Немчин, — медленно произнёс Павел, будто пробуя её имя на слух.

— Именно так.

— Красиво звучит.

Маша улыбнулась.

— Теперь ваша очередь.

— Павел Степанович Курдей.

— Курдей... Не петербургская фамилия.

— Отец мой из Кременчуга. Степан Курдей. Печник-ка-

менщик.

— А матушка?

— Евдокия Петровна. Всю жизнь домом занималась.

Маша посмотрела на него внимательнее.

— Значит, вы сами пробили себе дорогу?

Павел пожал плечами.

— Если её не пробивать, никто тебе её не уступит.

— И как вы стали офицером?

— Учился. Старался. Служил.

— Это я понимаю.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Потому что хочу знать.

Павел впервые услышал в её голосе неподдельный интерес.

Не вежливость.

Не жалость к раненому.

Интерес именно к нему.

— Хотел вырваться, — наконец сказал он.

— Откуда?

— Оттуда, где родился.

Маша присела на стул возле кровати.

— Почему?

Павел долго молчал.

— Не знаю. Наверное, мне всегда казалось, что человек должен стать кем-то большим, чем ему предназначили обстоятельства.

— А если ему уже предназначено что-то хорошее?

— Кем?

— Не знаю. Богом.

Павел посмотрел на неё.

— Вы верите в Бога?

— Конечно.

— А я верю в Государя.

Маша улыбнулась.

— Я спросила про Бога.

— Для русского офицера одно другому не мешает.

Она ничего не сказала.

За окном медленно падал снег.

Из коридора доносились голоса, звяканье посуды, чьи-то тяжёлые шаги.

Но Павлу вдруг показалось, что палата стала удивительно тихой.

— А вы что думаете о том, что случилось в воскресенье?

— спросил он.

Маша опустила глаза.

— Не знаю.

— Как это — не знаете?

— Папенька говорит, что рабочие сами виноваты. Что нельзя идти огромной толпой к дворцу. Что среди них были провокаторы.

— Правильно говорит.

— А кухарка наша плакала вчера.

— Почему?

— Её племянник не вернулся домой.

Павел замолчал.

— Может, арестован, — сказал он наконец.

— Может быть.

Маша посмотрела ему прямо в глаза.

— А может быть, убит.

Павел отвёл взгляд.

Ему вдруг стало неловко.

Он сам не понимал почему.

— Там стреляли и в солдат, — произнёс он.

— Я знаю.

— Двое жандармов погибли.

— Знаю.

— Мы выполняли приказ.

Маша тихо ответила:

— Я вас ни в чём не обвиняю, Павел.

Он впервые услышал от неё своё имя без всякого «господин офицер» или «больной».

Просто Павел.

И почему-то именно это оказалось важнее всего их разговора.

— Скажите ещё раз.

— Что?

— Моё имя.

Маша удивлённо посмотрела на него.

— Павел.

Он улыбнулся.

— Вот теперь голова действительно болит меньше.

— Лъстец.

— Ничуть.

Из коридора позвали:

— Мария Афанасьевна!

Маша поднялась.

— Мне пора.

Павел вдруг почувствовал почти детское разочарование.

— Уже?

— Я здесь не только ради вас.

— Жаль.

Она направилась к двери.

— Маша!

Она снова обернулась.

Павел поднял белую розу.

— А завтра?

— Что завтра?

— Вы придёте?

Маша несколько секунд смотрела на него.

— Если захотите.

— Вы вчера уже это говорили.

— Значит, ответ вы знаете.

Она вышла.

Павел остался один.

Он ещё долго смотрел на дверь.

Потом перевёл взгляд на белую розу.

Через несколько минут Михаил Аристархович снова проходил мимо его кровати и остановился.

— Это ещё что такое?

— Лекарство, доктор.

— От чего?

Павел осторожно положил розу рядом с собой.

— От головы.

Доктор хмыкнул.

— Судя по вашему выражению лица, батенька, это лекарство действует совсем на другой орган.

И пошёл дальше.

Павел хотел что-то ответить ему вслед, но передумал.

Он и сам уже начинал подозревать, что доктор прав.

Глава 3

Чужой человек

1905 г. На следующий день Маша не пришла.

Павел заметил это ещё до полудня, хотя сам себе упорно твердил, что никого не ждёт.

Каждый раз, когда в коридоре раздавались лёгкие шаги, он невольно поворачивал голову к двери. В палату входила сестра милосердия, санитар, доктор, приносили обед, меняли повязку соседу у окна — но девушки в светлом пальто

всё не было.

На тумбочке возле кровати стояла вчерашняя белая роза. За ночь она немного раскрылась.

Павел несколько раз ловил себя на том, что смотрит на неё так, словно цветок мог что-нибудь объяснить.

— Жених, что ли? — усмехнулся пожилой солдат с соседней койки, заметив его взгляд.

— Кто?

— Ты. Жених.

— С чего взяли?

— А чего ты на дверь каждые пять минут смотришь? Боишься, что войдёт невеста, а ты не причёсан?

В палате засмеялись.

Павел хотел ответить резко, но только махнул рукой.

— Спите, дядька.

— А я и сплю. Только ты мне своими вздохами мешаешь.

Павел отвернулся к окну.

Снаружи Петербург был серым.

Небо висело низко, почти касаясь крыш. По стеклу лениво ползли капли, и за ними расплывались дома, экипажи, редкие прохожие. Казалось, сам город за одну ночь постарел.

Ещё совсем недавно ему казалось, что самое страшное уже произошло там, на улице, среди криков, выстрелов, бегущих людей и снега, который перестал быть белым.

Но теперь оказалось, что человек может мучиться и от гораздо меньшего.

От того, что одна девушка не пришла.

Это даже рассердило его.

«Глупость какая».

Он закрыл глаза.

Перед ним почему-то сразу возникло её лицо.

Маша смеётся.

Маша протягивает ему пирожок.

Маша поправляет выбившуюся из-под шляпки прядь.

Маша произносит:

«Я вас ни в чём не обвиняю, Павел».

Он открыл глаза.

Белая роза стояла на прежнем месте.

К вечеру Павел перестал смотреть на дверь.

А утром следующего дня доктор, осмотрев рану, сказал:

— Ещё несколько дней — и выпишем. Молодой организм.

Заживает быстро.

— Несколько — это сколько?

Доктор удивлённо поднял на него глаза.

— А вы куда-то торопитесь?

— Домой.

— Все домой торопятся.

— Значит, дня три?

— Если не будете изображать из себя героя — три-четыре.

Павел кивнул.

Почему-то слова о выписке, которых он ещё неделю назад ждал с нетерпением, теперь не обрадовали.

Домой.

А где она?

Он даже не знал её адреса.

Знал только имя — Мария Афанасьевна Немчин.

Знал, как она улыбается.

Знал, что её отец, Афанасий Михайлович, человек строгий.

Знал, что её мать зовут Анна.

Знал, что Маша любит читать и почему-то смешно морщит нос, когда сердится.

И всё.

Для Петербурга с его бесконечными улицами, дворами, доходными домами и сотнями тысяч лиц этого было ничтожно мало.

Человек мог находиться совсем рядом — за двумя перекрёстками — и исчезнуть навсегда.

Эта мысль неприятно кольнула.

На третий день после их последней встречи Павел попросил разрешения пройти по коридору.

Шёл медленно, держась рукой за стену. Рана ещё отзывалась тупой болью, особенно когда он делал широкий шаг.

У высокого окна в конце коридора он остановился.

За стеклом шёл дождь.

Настоящий петербургский — мелкий, холодный, бесконечный.

— Вы всё-таки встали.

Он замер.

Голос прозвучал за спиной.

Павел не обернулся сразу.

Почему-то захотелось выдержать хотя бы секунду, чтобы она не увидела, как сильно он обрадовался.

— А что мне оставалось? — сказал он, продолжая смотреть в окно. — Некоторые обещают прийти и пропадают.

— Я не обещала прийти на следующий день.

Теперь он повернулся.

Маша стояла в нескольких шагах.

Сегодня она была без улыбки.

На ней было тёмное пальто, волосы аккуратно убраны, а в руках — небольшая кожаная сумочка.

Цветов не было.

Пирожков тоже.

— Здравствуйте, Мария Афанасьевна.

— Здравствуйте, Павел Степанович.

Они смотрели друг на друга немного дольше, чем требовало приветствие.

— Значит, вы всё-таки живы, — сказала она.

— Как видите.

— А мне сказали, что вы уже ходите по коридорам.

— Кто сказал?

— Сестра.

— Расспрашивали обо мне?

Маша чуть нахмурилась.

— Не воображайте лишнего.

— Даже не начинал.

— Начали.

Он улыбнулся.

Она тоже хотела улыбнуться, но сдержалась.

И тогда Павел понял: что-то случилось.

— Маша.

Она подняла глаза.

Он впервые назвал её просто по имени.

Без отчества.

Без шутки.

Маша не поправила.

— Что произошло?

— Ничего.

— Три дня — ничего?

— Павел...

Она подошла к окну и встала рядом.

Некоторое время они молчали.

Внизу, по мокрой мостовой, проехал экипаж. Лошадь тяжело переставляла ноги, колёса разбрызгивали грязную воду.

— Отец узнал, — сказала Маша.

Павел не сразу понял.

— Обо мне?

Она кивнула.

— И что?

— Спросил, зачем я так часто бываю здесь.

— А вы что ответили?

— Правду.

Павел повернулся к ней всем корпусом.

— Какую именно?

— Что навещаю раненого.

— И всё?

Она посмотрела на него.

— А что я должна была сказать?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Что навещаете исключительно неприятного человека, который отказывается спокойно лежать в постели и ест ваши пирожки.

На этот раз она не улыбнулась.

— Отец спросил ваше имя.

Павел почувствовал, как внутри стало холоднее.

— И?

— Я сказала.

— Павел Курдей.

— Павел Степанович Курдей.

— Даже с отчеством?

— Даже с отчеством.

— Это уже серьёзно.

— Не шутите.

Он замолчал.

Маша провела пальцем по холодному стеклу.

— Потом он спросил, кто ваш отец.

Павел отвернулся.

Теперь всё становилось понятным.

— И вы сказали?

— Да.

— Печник.

— Печник-каменщик.

— Какая разница?

— Для меня — большая.

Павел усмехнулся, но усмешка получилась горькой.

— А для вашего отца?

Маша ничего не ответила.

Ответ был и так ясен.

Павел медленно дошёл до стоявшей у стены скамьи и сел.

Рана снова заныло, но теперь он почти не чувствовал её.

— Значит, Степан Курдей не вышел происхождением.

— Не говорите так.

— А как говорить?

— Отец ничего плохого о вашем отце не сказал.

— Ему и не надо.

— Павел!

— Что?

Маша впервые посмотрела на него сердито.

— Вы сейчас обижаетесь на слова, которых даже не слышали.

— Некоторые слова не обязательно слышать.

— Вы не знаете моего отца.

— А он меня знает?

Она замолчала.

— Вот именно, — сказал Павел.

Дождь стучал по стеклу.

В другом конце коридора появилась сестра милосердия, посмотрела на них и, ничего не сказав, ушла обратно.

Маша села рядом.

Между ними осталось совсем небольшое расстояние.

— Он не злой человек, — тихо произнесла она. — Просто отец считает, что сейчас слишком опасное время. После января всё изменилось. На улицах разговоры, аресты, беспорядки. Он боится.

— Меня?

— За меня.

— Потому что я был там?

Маша кивнула.

— Он считает, что человек, оказавшийся среди тех событий...

Она не договорила.

— Ну? — спросил Павел.

— Может принести в дом несчастье.

Павел несколько секунд молчал.

Потом рассмеялся.

Тихо.

Без веселья.

— Вот оно как.

— Не надо.

— Так я теперь ещё и несчастье.

— Я этого не сказала.

— Зато он сказал.

— Он мой отец.

— А я чужой человек.

Маша посмотрела на него.

— Да.

Это короткое слово ударило сильнее, чем он ожидал.

Он встал.

Резко.

Перед глазами на мгновение потемнело.

Маша испуганно поднялась следом.

— Павел!

Он схватился за подоконник.

— Всё хорошо.

— Вам нельзя так вставать!

— Мне много чего нельзя.

— Сядьте.

— Не надо мной командовать.

— Тогда я позову сестру.

— Только попробуйте.

— Позову.

Они смотрели друг на друга.

И вдруг Маша улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

— Упрямый.

— Кто бы говорил.

— Я хотя бы не падаю в обморок от одного разговора.

— Я не падал.

— Почти.

— Это рана.

— Конечно.

— Правда.

— Разумеется.

И неожиданно оба рассмеялись.

Напряжение исчезло так быстро, словно кто-то открыл окно и выпустил его наружу вместе с больничным запахом лекарств.

Но ненадолго.

Маша снова стала серьёзной.

— Отец запретил мне приходить.

Павел перестал улыбаться.

Вот теперь всё было сказано.

— Тогда зачем пришли?

Она опустила глаза.

— Не знаю.

— Знаете.

— Павел...

— Знаете, Маша.

Она молчала.

Он ждал.

Впервые с того дня, когда увидел её над собой после ранения, он не хотел прятаться за шуткой.

— Я всё равно пришла, — сказала она.

Эти четыре слова оказались важнее всего остального.

Павел посмотрел на неё так, будто видел впервые.

Перед ним стояла не просто девушка из приличной семьи, которая из сострадания приносила раненому пирожки.

Она ослушалась отца.

Из-за него.

— Почему?

Маша покраснела.

— Не заставляйте меня отвечать.

— Почему?

— Потому что обещала.

— Вы же только что сказали, что ничего не обещали.

— Значит, обещала самой себе.

Он сделал шаг к ней.

Она не отступила.

— Что именно?

— Что приду узнать, как вы.

— Узнали.

— Узнала.

— Теперь уйдёте?

Маша подняла глаза.

Совсем рядом Павел увидел, какие они у неё необычно-

венно ясные.

— Да.

Ответ был правильным.

Но прозвучал неправильно.

— И больше не придёте?

Она молчала.

Где-то внизу хлопнула дверь.

С улицы донёлся далёкий звон трамвая.

— Не знаю.

— Это тоже неправда.

— Почему вы всё время решаете за меня, где правда, а где нет?

— Потому что вы плохо врёте.

— А вы хорошо?

— Очень.

— Тогда соврите сейчас.

— О чём?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Скажите, что вам всё равно, приду я или нет.

Павел открыл рот.

И не произнёс ни слова.

Маша ждала.

Он мог рассмеяться.

Мог снова перевести всё в шутку.

Мог сказать что-нибудь дерзкое и спасти свою гордость.

Но вместо этого тихо произнёс:

— Не могу.

Маша опустила глаза.

В этот момент между ними произошло что-то, чему ни один из них ещё не умел дать название.

Не признание.

Не любовь.

До любви им предстояло пройти ещё долгий путь.

Просто двое людей вдруг поняли, что отсутствие одного уже причиняет боль другому.

Павел вернулся к скамье.

На этот раз Маша села рядом с ним сама.

— Меня выписывают послезавтра, — сказал он.

Её пальцы замерли на застёжке сумочки.

— Послезавтра?

— Да.

— Это хорошо.

— Очень.

— Вы вернётесь домой?

— Конечно.

— К родителям?

— К матери с отцом.

— Евдокия Петровна обрадуется.

Павел повернулся к ней.

— Вы запомнили имя моей матери?

— А что тут удивительного?

— Ничего.

Но улыбка его говорила обратное.

Несколько минут они сидели молча.

Потом Маша встала.

— Мне пора.

Павел тоже поднялся.

— Я провожу.

— До двери?

— Пока доктор не поймает.

Они медленно пошли по коридору.

У лестницы Маша остановилась.

Дальше ему действительно нельзя было идти.

— Прощайте, Павел Степанович.

Он нахмурился.

— Почему «прощайте»?

— А что надо говорить?

— «До свидания».

— Это означает, что свидание будет.

— Именно.

— Вы самоуверенный человек.

— Мне уже говорили.

Она протянула руку.

Павел посмотрел на неё.

Потом взял.

Её ладонь была маленькой и тёплой.

Обычное рукопожатие длилось чуть дольше обычного.

Первой руку убрала Маша.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания.

Она сделала несколько шагов вниз.

— Маша!

Девушка обернулась.

— Послезавтра. В полдень. У главного входа.

— Зачем?

— Меня выписывают.

— Я помню.

— Так приходите.

Она покачала головой.

— Не могу обещать.

— А вы не обещайте.

— Тогда зачем приходите?

Павел улыбнулся.

— Чтобы однажды ваш отец мог сказать, что вы действительно связались с человеком, который приносит в дом несчастье.

— Павел!

Он засмеялся.

Маша уже отвернулась, но через несколько ступеней снова остановилась.

— В полдень?

Теперь не улыбался уже он.

— В полдень.

Она ушла.

Павел ещё долго стоял у лестницы, слушая удаляющиеся шаги.

Потом вернулся в палату.

На тумбочке всё так же стояла белая роза.

Она начала увядать.

Павел осторожно вынул её из стакана, завернул стебель в кусочек бумаги и положил цветок между страницами книги, которую так и не смог прочитать за эти дни.

Через два дня, без нескольких минут двенадцать, Павел Степанович Курдей стоял у главного входа лечебницы.

Впервые за много недель на нём была не больничная рубаха, а собственная одежда. В руке — небольшой узелок с вещами. В кармане — та самая белая роза, уже высохшая и хрупкая.

Было холодно.

Дождя не было.

Павел смотрел на улицу.

Без пяти двенадцать.

Без трёх.

Двенадцать.

Маша не пришла.

Он подождал ещё пять минут.

Потом десять.

Люди проходили мимо.

Кто-то встречал выписанного солдата. Пожилая женщина плакала, обнимая сына. Извозчики выкрикивали что-то у

ворот. Петербург жил своей огромной равнодушной жизнью.

Четверть первого.

Павел поднял воротник.

«Ну и дурак».

Он взял узелок и медленно пошёл к воротам.

За спиной послышался стук копыт.

Потом чей-то голос:

— Павел!

Он остановился.

На противоположной стороне улицы стоял экипаж.

Из него вышла Маша.

Но не одна.

Следом появился высокий мужчина лет пятидесяти в тёмном дорогом пальто.

Маша что-то быстро сказала ему.

Мужчина поднял голову.

Их взгляды встретились через улицу.

Павел сразу понял, кто это.

Афанасий Михайлович Немчин.

Отец Маши.

Несколько секунд никто не двигался.

Потом Афанасий Михайлович медленно перешёл улицу и остановился перед Павлом.

Осмотрел его с головы до ног.

Не презрительно.

Это было бы легче.

Он смотрел внимательно.

Так смотрят на человека, от которого может зависеть судьба того, кого любишь.

— Павел Степанович Курдей? — спросил он.

— Да.

Маша стояла чуть позади отца.

Павел посмотрел на неё.

Она была бледна.

Афанасий Михайлович заметил этот взгляд.

И всё понял.

— Нам нужно поговорить, молодой человек.

Павел крепче сжал узелок.

В кармане хрустнула высохшая белая роза.

— Что ж, — ответил он. — Поговорим.

И только тогда Павел впервые подумал, что январская пуля, возможно, была далеко не самым опасным испытанием, которое приготовила ему судьба.

Глава 4

Приглашение

1905 г. — Нам нужно поговорить, молодой человек.

Павел крепче сжал узелок с вещами.

В кармане тихо хрустнула высохшая белая роза.

— Что ж, — ответил он. — Поговорим.

Афанасий Михайлович несколько секунд смотрел на него,

будто решал, с чего начать.

Павел приготовился.

Он знал такие разговоры.

Вернее, думал, что знает.

Сейчас его спросят, сколько у него денег. Потом — из какой он семьи. Затем вежливо объяснят, что Мария Афanasьевна воспитана иначе, что благодарность раненому человеку не следует принимать за чувство и что порядочному мужчине надлежит самому понять своё положение.

Павел даже заранее придумал ответ.

Короткий.

Гордый.

И обязательно такой, после которого он повернётся и уйдёт первым.

Но Афanasий Михайлович неожиданно спросил:

— Вы далеко живёте?

Павел растерялся.

— Простите?

— Я спросил, далеко ли вам добираться.

— Нет. Я живу в офицерском корпусе.

— Один?

— Да.

— Родители?

— В Кременчуге.

— Давно их видели?

Этот вопрос Павлу понравился ещё меньше предыдущего.

— Давно.

Афанасий Михайлович кивнул, будто слышал именно то, что ожидал.

Маша стояла немного поодаль.

Она молчала.

Павел посмотрел на неё, но девушка едва заметно покачала головой.

Не вмешивайся.

Отец заметил и это.

Конечно заметил.

Казалось, от него вообще мало что можно было скрыть.

— Идти можете? — спросил Афанасий Михайлович.

— Могу.

— Тогда пройдемся.

— Папа...

Он поднял ладонь.

— Машенька, я не собираюсь убивать твоего знакомого посреди Петербурга.

— Я не это имела в виду.

— Именно это у тебя сейчас написано на лице.

Павел впервые увидел, как Маша разговаривает с отцом.

И впервые увидел Афанасия Михайловича не как грозного господина в дорогом пальто, а просто как отца.

Маша сердито поджала губы.

— Я подожду в экипаже.

— Вот и славно.

Она прошла мимо Павла.

На мгновение их глаза встретились.

В её взгляде было столько тревоги, что Павлу захотелось улыбнуться.

Он улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Маша ответила ему тем же.

— Молодой человек.

Павел повернулся.

Афанасий Михайлович уже смотрел на него.

— Если закончили переговариваться глазами с моей дочерью, можем идти.

Павел почувствовал, как загорелись уши.

— Можем.

Они пошли вдоль улицы.

Медленно.

Павел ещё прихрамывал, и Афанасий Михайлович, заметив это, сразу сбавил шаг, хотя сделал вид, будто просто никуда не торопится.

Некоторое время оба молчали.

Петербург жил вокруг них своей жизнью. По мокрой мостовой катили экипажи, у лавки спорили двое мужчин, где-то далеко звонил колокол. С крыш после недавнего дождя всё ещё падали тяжёлые капли.

— Курите? — неожиданно спросил Афанасий Михайлович.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— Пьёте?

Павел усмехнулся.

— Это допрос?

— Пока беседа.

— А когда начнётся допрос?

— Если понадобится — поймёте.

Павел посмотрел на него.

Афанасий Михайлович сохранял совершенно серьёзное лицо.

— Не пью, — ответил Павел.

— Никогда?

— Могу выпить рюмку за столом. Но привычки нет.

— В карты?

— Нет.

— Долги?

— Нет.

Афанасий Михайлович остановился.

— Молодой человек, у вас вообще есть недостатки?

Павел задумался.

— Есть.

— Наконец-то.

— Упрямый.

— Это я уже заметил.

— Иногда говорю раньше, чем успеваю подумать.

— Это тоже.

— Бывает, лезу туда, куда не следует.

— Январь тому подтверждение.

Павел сразу перестал улыбаться.

Вот оно.

Они подошли к чугунной ограде небольшого сквера.

Афанасий Михайлович остановился возле скамьи.

— Присядем?

— Я могу стоять.

— А я хочу сидеть.

Это было сказано таким тоном, что спорить оказалось бессмысленно.

Они сели.

Афанасий Михайлович достал из внутреннего кармана футляр.

Павел заметил сигару.

Тот не торопясь обрезал кончик, зажѣг спичку и несколько мгновений смотрел, как огонь касается табака.

Пошѣл первый дым.

— Вот моя слабость, — сказал он.

— Сигары?

— Хорошие сигары.

— Значит, недостаток у вас всё-таки есть.

Афанасий Михайлович повернул голову.

Павел понял, что сказал лишнее.

Но вдруг уголки губ старшего Немчина дрогнули.

— Осторожнее, Павел Степанович. Вы разговариваете с отцом девушки, к которой, судя по всему, имеете некоторый интерес.

Павел выдержал его взгляд.

— Не некоторый.

Улыбка исчезла.

Наступила тишина.

Вот теперь Афанасий Михайлович смотрел на него по-настоящему внимательно.

— Продолжайте.

Павел почувствовал, что сердце забилося быстрее.

— Что продолжать?

— Вы начали. Я слушаю.

Можно было отступить.

Сказать, что он неправильно выразился.

Что они с Машей едва знакомы.

Что никакого серьёзного разговора между ними ещё не было.

Всё это было правдой.

Но существовала и другая правда.

Белая роза в кармане.

Три дня ожидания у больничной двери.

Её четыре слова:

«Я всё равно пришла».

И то, как несколько минут назад она смотрела на него воз-

ле экипажа.

— Мне нравится ваша дочь, Афанасий Михайлович.

— Это я уже понял.

— Очень нравится.

— Это тоже.

Павел выдохнул.

— Тогда что ещё вы хотите услышать?

— Правду.

— Я её и говорю.

— Нет. Вы говорите мне то, что уже известно. А я хочу понять другое.

Он стряхнул пепел.

— Что вы собираетесь с этим делать?

Павел замолчал.

Вопрос оказался неожиданно трудным.

— Я не знаю.

Афанасий Михайлович чуть приподнял бровь.

— Хороший ответ.

— Хороший?

— По крайней мере честный.

Он откинулся на спинку скамьи.

— Я бы гораздо больше насторожился, если бы молодой человек, знакомый с моей дочерью несколько дней, уже рассказал мне, как назовёт наших общих внуков.

Павел невольно качнул головой.

Невольно.

Афанасий Михайлович тоже улыбнулся.

Впервые лёд между ними треснул.

Но только на мгновение.

— Мария — моя младшая дочь, — продолжил он. — Ма-
шенька.

Последнее слово он произнёс совсем иначе.

Теплее.

Павел это услышал.

— У меня две дочери. Старшая — Юлия. Она уже заму-
жем. Муж её, Евгений, поручик. Человек достойный. Обра-
зованный. Из хорошей семьи. С положением.

Он затянулся сигарой.

— Всё, что обычно считают необходимым для удачного
брака.

Павел молчал.

Афанасий Михайлович смотрел перед собой.

— Только жизнь, Павел Степанович, иногда плохо разби-
рается в том, что мы считаем удачным.

В его голосе появилось что-то, чего прежде не было.

Усталость.

— Юлия счастлива? — осторожно спросил Павел.

Отец долго не отвечал.

— Она любит мужа. Он любит её. В этом смысле — да.

Он снова замолчал.

Потом произнёс:

— Детей у них нет.

Павел опустил глаза.

Теперь он понял.

— Простите.

— Не за что вам извиняться.

Афанасий Михайлович медленно покрутил сигару между пальцами.

— Доктора говорят, что, скорее всего, и не будет.

Слова прозвучали спокойно.

Слишком спокойно.

Так говорят о боли, с которой прожили уже достаточно долго, чтобы научиться не показывать её посторонним.

— Юлия сама виновата? — вдруг спросил он.

Павел резко поднял глаза.

— Что?

— Виновата она?

— Конечно нет.

— Евгений?

— Нет.

— Тогда кто?

Павел не знал, что ответить.

— Никто.

Афанасий Михайлович посмотрел на него.

И впервые в его взгляде не было ни проверки, ни насто-
роженности.

— Вот и я так думаю.

Он затянулся и медленно выпустил дым.

— А знаете, сколько людей успели объяснить моей дочери, что женщина, которая не может подарить мужу ребёнка, будто бы чем-то хуже другой женщины?

Павел сжал челюсти.

— Люди бывают жестокими.

— Особенно когда чужая беда не касается их самих.

Павел помолчал.

— А её муж?

— Евгений?

— Да.

Афанасий Михайлович впервые улыбнулся с явным уважением.

— Однажды я спросил его об этом.

— И что он ответил?

Отец посмотрел на тлеющий конец сигары.

— Сказал: «Я женился на Юлии, а не на её способности рожать детей».

Павел медленно кивнул.

— Правильно сказал.

— Правильно.

Несколько секунд они молчали.

И тогда Павел неожиданно понял, зачем ему рассказали всё это.

Не ради семейной тайны.

Не ради жалости.

Перед ним сидел отец двух дочерей, который уже однажды

увидел, насколько бессильными могут оказаться происхождение, положение, деньги и правильный выбор семьи перед тем, что приносит жизнь.

— Вы боитесь за Машу, — сказал Павел.

Афанасий Михайлович взглянул на него.

— Очень.

— Поэтому не хотели, чтобы она приходила ко мне?

— Поэтому.

— Потому что я сын печника?

— Нет.

Ответ прозвучал так быстро, что Павел не успел скрыть удивление.

— Тогда почему?

— Потому что вы были там.

Январь снова встал между ними.

Снег.

Крики.

Выстрелы.

Люди, бегущие по улице.

Павел почувствовал старую боль — не в ране, где-то глубже.

— Я не преступник.

— Я этого не говорил.

— Но подумали.

— Я подумал, что человек, который оказывается там, где стреляют, может однажды оказаться там снова.

Павел хотел возразить.

Не смог.

Потому что Афанасий Михайлович был прав.

— А если окажусь?

Отец посмотрел ему в глаза.

— Вот это меня и беспокоит.

— Я военный.

— Именно.

— У меня есть долг.

— Именно поэтому меня и беспокоит.

Павел нахмурился.

Афанасий Михайлович положил сигару между пальцами и заговорил медленнее:

— До тех пор, пока у мужчины нет никого, кроме него самого, он имеет право сколько угодно распоряжаться своей жизнью. Может быть героем. Может быть дураком. Иногда это одно и то же.

Павел усмехнулся.

— А потом?

— Потом появляется женщина.

Он посмотрел в сторону экипажа.

Маша сидела там.

Даже отсюда было видно: она не сводила с них глаз.

— И тогда его жизнь перестаёт принадлежать только ему.

Эти слова Павел запомнил.

Не потому, что они были особенно мудрыми.

А потому, что впервые кто-то говорил с ним не о любви как о чувстве.

А как об ответственности.

— Я понял, — тихо сказал он.

— Нет.

Афанасий Михайлович покачал головой.

— Пока нет.

Павел удивлённо посмотрел на него.

— И слава Богу. Вы молоды. Если бы в вашем возрасте вы уже всё понимали о женщинах, семье и жизни, я решил бы, что вы либо лжец, либо сумасшедший.

Павел не удержался и покачал головой.

На этот раз в глазах Афанасия Михайловича тоже мелькнуло тепло.

Маша в экипаже увидела это.

И, кажется, впервые за всё время перестала волноваться.

Афанасий Михайлович докурил сигару.

Тщательно затушил её.

— Ваш отец действительно печник?

— Печник-каменщик.

— В Кременчуге?

— Да.

— Степан...

— Курдей. Степан Курдей.

— А мать?

— Евдокия Петровна.

— Домохозяйка?

Павел улыбнулся.

— Вы неплохо осведомлены.

— У меня младшая дочь, Павел Степанович.

— Аргумент.

— Не просто аргумент. Это профессия.

Они поднялись.

— Они хорошие люди? — спросил Афанасий Михайлович.

Теперь Павел ответил без всяких раздумий:

— Лучшие из тех, кого я знаю.

— Отец бил вас в детстве?

Вопрос был настолько неожиданным, что Павел остановился.

— Что?

— Я достаточно ясно спросил.

— Нет.

— Совсем?

— Один раз хотел.

— За что?

Павел задумался.

— Я разбил соседу окно.

— Камнем?

— Рогаткой.

— И?

— Отец снял ремень.

Афанасий Михайлович ждал продолжения.

— А мать встала между нами.

— Спасла?

— Нет.

— Как это?

Павел улыбнулся воспоминанию.

— Сказала отцу: «Стёпа, сначала заставь его заработать на новое стекло. Потом бей. А то толку не будет».

Афанасий Михайлович расхохотался.

Громко.

Так, что проходившая мимо пожилая дама обернулась.

— И что отец?

— Заставил.

— А потом?

— Потом забыл побить.

— Умная женщина ваша Евдокия Петровна.

— Очень.

— А отец?

Павел подумал.

— Отец научил меня строить печи.

— Вы умеете?

— Конечно.

— Офицер, умеющий класть печи?

— Хорошая печь чина не спрашивает.

Афанасий Михайлович посмотрел на него.

И снова улыбнулся.

Но теперь совсем иначе.

Тепло.

Почти по-отечески.

— Это мне нравится.

Они дошли до экипажа.

Маша сразу открыла дверцу.

— Ну?

Афанасий Михайлович сурово посмотрел на неё.

— Что «ну»?

— Папа!

— Мы беседовали.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Маша посмотрела на Павла.

Тот едва заметно пожал плечами.

Она перевела взгляд обратно на отца.

— И?

Афанасий Михайлович выдержал паузу.

Потом полез во внутренний карман.

Павел ожидал чего угодно.

Но тот достал часы.

Открыл крышку.

— Сегодня суббота.

— Да, папа.

— Значит, завтра воскресенье.

— Я умею считать дни недели.

— Очень рад. Значит, деньги, потраченные на твоё образование, не пропали зря.

Маша вспыхнула.

Павел отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Завтра в четыре, — сказал Афанасий Михайлович.

— Что завтра в четыре?

Теперь он посмотрел на Павла.

— Чай.

Павел не понял.

— Простите?

— У нас дома.

Маша замерла.

— Папа...

— Я разговариваю с Павлом Степановичем.

Он снова обратился к нему:

— Вы свободны завтра в четыре часа?

Павел посмотрел на Машу.

В её глазах уже рождалась улыбка.

— Думаю, да.

— Думать будете о другом. А завтра в четыре часа приходите к нам на чай.

— Афанасий Михайлович...

— Это приглашение, а не предложение руки и сердца. Не пугайтесь.

Теперь уже рассмеялась Маша.

Павел почувствовал, что снова краснеет.

— Я не испугался.

— Вот и хорошо.

Афанасий Михайлович назвал адрес.

Павел повторил.

Чтобы не забыть.

Хотя уже знал, что не забудет никогда.

— И ещё одно, — сказал отец.

Павел насторожился.

— Да?

— Цветы.

Павел растерялся.

— Что — цветы?

— Если молодой человек впервые приходит в дом, где живут две женщины, приличия требуют принести цветы.

Маша возмутилась:

— Папа!

— Что?

— Зачем ты ему говоришь?

— Чтобы не опозорился.

— Он бы и сам догадался.

Афанасий Михайлович посмотрел на Павла.

— Догадались бы?

Павел честно признался:

— Нет.

— Вот видишь.

Маша закрыла лицо ладонью.

— Господи...

— И не покупайте белые розы, — добавил Афанасий Михайлович.

Павел вздрогнул.

Маша тоже.

— Почему? — спросил он.

Отец посмотрел сначала на одного, потом на другую.

— Потому что, судя по лицу моей дочери, с белыми розами у вас двоих уже связано что-то, о чём мне пока знать необязательно.

Маша стала пунцовой.

— Папа!

Афанасий Михайлович открыл дверцу экипажа.

— До завтра, Павел Степанович.

— До завтра.

Маша села внутрь.

Но прежде чем дверца закрылась, наклонилась вперёд:

— Не опаздывайте.

— Не опоздаю.

— В четыре.

— Я запомнил.

— И...

Она хотела сказать что-то ещё.

Отец уже сидел рядом.

— Машенька.

— Что?

— Молодой человек достаточно хорошо слышит.

Дверца закрылась.

Экипаж тронулся.

Павел остался на тротуаре.

Он смотрел ему вслед до тех пор, пока тот не исчез за поворотом.

Потом опустил руку в карман.

Достал белую розу.

Один лепесток отломился.

Павел поймал его на ладонь.

Совсем сухой.

Почти прозрачный.

Ещё утром эта роза казалась ему воспоминанием о том, что уже закончилось.

Теперь всё было иначе.

Завтра в четыре.

Дом Немчиных.

Он.

Маша.

Её мать.

Её отец.

И, возможно, Юлия с мужем.

Внезапно Павел почувствовал страх.

Настоящий.

Не тот, что испытывал под выстрелами.

Там всё было проще.

Когда стреляют, человек знает, что от него требуется: пригнуться, бежать, остановить кровь, выжить.

А что нужно делать за столом в приличном доме рядом с девушкой, которая тебе небезразлична, Павел Степанович Курдей понятия не имел.

Он посмотрел на лепесток на ладони.

— Ну что, брат, — тихо сказал он самому себе. — Кажется, влипли.

— С кем разговариваете?

Павел обернулся.

У входа в лечебницу стоял тот самый пожилой солдат из соседней палаты.

Его вывели подышать воздухом.

— Сам с собой.

— Плохой признак.

— Почему?

— Когда мужчина начинает сам с собой разговаривать, значит, либо денег нет, либо женщина появилась.

Павел спрятал розу обратно в карман.

— А если и то и другое?

Солдат покачал головой.

— Тогда, сынок, тебе никакой доктор уже не поможет.

Павел впервые за много дней почувствовал, как отпускает внутреннее напряжение.

Впервые за много дней — легко.

Без боли.

Он подхватил узелок и пошёл прочь.

До офицерского корпуса было не так далеко.

А до завтрашних четырёх часов — целая вечность.

В экипаже Маша молчала примерно две минуты.

Для неё это было очень долго.

Потом не выдержала.

— Папа.

Афанасий Михайлович смотрел в окно.

— М-м?

— Что ты ему сказал?

— Много чего.

— Что именно?

— Это мужской разговор.

— Терпеть не могу мужские разговоры.

— Это потому, что тебя на них не приглашают.

— Папа!

Он повернулся к дочери.

Она сидела напротив — взволнованная, живая, с румянцем на щеках.

Давно он не видел её такой.

Наверное, никогда.

— Он тебе не понравился? — тихо спросила она.

Афанасий Михайлович не ответил сразу.

Достал футляр с сигарами.

Потом вспомнил, что находится в закрытом экипаже рядом с дочерью, и убрал его обратно.

— Не знаю.

Маша погрузилась.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Всё.

— Ничего тебе не понятно.

— Если бы понравился, ты бы сказал.

— Машенька...

— Не надо.

Она отвернулась к окну.

Афанасий Михайлович смотрел на неё и вдруг увидел не взрослую девушку.

Увидел ту самую маленькую Машу, которая когда-то бежала к нему через комнату с разбитой коленкой и была совершенно уверена, что папа может исправить на свете всё.

Разбитую игрушку.

Страшный сон.

Обиду.

Боль.

Она выросла.

А он так и не научился мириться с мыслью, что существуют вещи, от которых отец защитить дочь не сможет.

Он вспомнил Юлию.

Как она сидела в этом же экипаже после очередного врача.

Молчала всю дорогу.

А возле дома вдруг сказала:

«Папа, только маме не говори сразу. Она опять будет плакать».

Афанасий Михайлович тогда отвернулся к окну.

Так же, как сейчас Маша.

Две дочери.

Две девочки, которым он когда-то обещал, что всё будет хорошо.

И жизнь, которая никогда никаких обещаний не давала.

— Он мне понравился.

Маша резко повернулась.

— Что?

— Павел.

Она смотрела на отца, будто боялась поверить.

— Правда?

— Не заставляй меня повторять. Я ещё могу изменить мнение.

Маша улыбнулась.

И Афанасий Михайлович окончательно понял, что приглашение было правильным решением.

— Только, Машенька...

— Да?

— Не спеши.

Улыбка немного погасла.

Он взял её за руку.

— Сердце очень любит бежать впереди человека. А потом человек всю жизнь пытается его догнать.

— Папа, я не...

— Я ничего не спрашиваю.

Он сжал её пальцы.

— Просто не спеши.

Маша кивнула.

И тихо спросила:

— А завтра?

— Что завтра?

— Ты ведь действительно разрешил ему прийти?

Афанасий Михайлович сделал вид, что задумался.

— Кажется, да.

— Папа!

— В четыре часа.

Маша отвернулась к окну.

Но теперь она улыбалась.

Афанасий Михайлович видел её отражение в стекле.

И тоже улыбнулся.

Совсем немного.

Он ещё не знал, станет ли Павел Курдей мужем его младшей дочери.

Не знал, каким человеком тот окажется через год, через десять или двадцать лет.

Не знал, сколько счастья и сколько боли принесёт Маше этот случайно встреченный раненый офицер.

Никто этого знать не мог.

Но сегодня Афанасий Михайлович решил одну простую

вещь.

Если судьба постучала в дверь его дома — он хотя бы откроет ей.

А уже завтра, ровно в четыре часа пополудни, Павлу Степановичу Курдею предстояло впервые переступить порог дома Немчиных.

Глава 5

За одним столом

1905 г. Ровно без пяти четыре Павел Степанович Курдей стоял напротив дома Немчиных.

Пришёл он раньше.

Разумеется.

Последние десять минут Павел дважды прошёл от дома до угла и обратно, потому что явиться на четверть часа раньше казалось ему почти таким же неприличным, как опоздать.

В руках он держал цветы.

Не белые розы.

После вчерашнего наставления Афанасия Михайловича Павел утром долго стоял возле цветочной лавки и впервые за долгое время чувствовал себя совершенно беспомощным.

— Молодой барышне? — спросила продавщица.

— Не совсем.

— Замужней даме?

— Нет.

— Матери?

— Тоже нет.

Женщина посмотрела на него с возрастающим любопытством.

— А кому же?

— В дом.

— Как это — в дом?

— Там несколько женщин.

— Сколько?

Павел задумался.

— Точно две. Возможно, больше.

После этого взгляда продавщицы он понял, что объяснять дальше опасно.

В конце концов выбрал небольшой букет кремовых и нежно-розовых цветов. Названия половины из них он тут же забыл.

А теперь стоял перед дверью и думал:

«Зачем я вообще сюда пришёл?»

В офицерском корпусе всё было гораздо проще.

Там существовали чин, приказ, распорядок, устав.

Даже наказание было понятным: человек по крайней мере знал, за что его наказывают.

А здесь никакого устава не существовало.

Был дом.

Семья.

И девушка, которая ему нравилась.

Вероятно, именно поэтому было страшнее.

Часы показали четыре.

Павел поднялся по ступеням.

Позвонил.

Дверь открыли почти сразу.

Он оставил шинель в передней и вслед за прислугой прошёл по коридору.

В доме пахло чем-то удивительно домашним — свежей выпечкой, чаем, мебельным воском и едва уловимо табаком.

Сигара.

Павел вспомнил Афанасия Михайловича и невольно улыбнулся.

— Прошу.

Дверь открылась.

И Павел перестал улыбаться.

За столом сидели шестеро.

Шесть пар глаз одновременно обратились к нему.

Первым он увидел Афанасия Михайловича.

Тот сидел во главе стола с таким видом, словно появление молодого офицера в его доме было самым обыкновенным событием сегодняшнего дня.

Рядом находилась его супруга.

Анна Сергеевна.

Павел сразу понял, от кого Маша унаследовала глаза.

Справа сидела сама Мария.

Именно на неё он посмотрел второй.

В её взгляде мелькнуло узнавание.

Совсем немного.

Но этого оказалось достаточно, чтобы Павел снова вспомнил, как дышать.

Рядом с ней сидела молодая женщина, похожая на Машу, хотя черты её лица были строже и взрослее.

Юлия.

Старшая сестра.

Возле неё — мужчина в офицерском мундире.

Евгений.

Поручик.

И только потом Павел увидел шестого человека.

Женщину в чёрном.

Она сидела чуть в стороне от остальных.

Не старая.

Напротив — ещё молодая и по-своему очень красивая.

Лет двадцати восьми, может быть, немного больше.

Высокая шея, тонкие черты лица, спокойная осанка женщины, с детства привыкшей держаться безупречно.

Но первое, что замечал человек, были глаза.

Они совсем не соответствовали её возрасту.

Так иногда смотрят старики.

Не потому, что прожили много лет.

Потому что слишком много успели потерять.

На чёрном платье не было почти никаких украшений.

Только небольшой медальон у груди.

Она смотрела на Павла дольше всех.

Не холодно.

Не высокомерно.

Не оценивая.

И почему-то именно под этим взглядом Павлу стало особенно неловко.

Афанасий Михайлович поднялся.

— Ну вот. А мы уже начали подозревать, что вы передумали.

Павел взглянул на часы.

— Ровно четыре.

— Поэтому подозрения ещё не успели перейти в уверенность.

Маша чуть смягчилась.

— Добрый вечер, Павел Степанович.

— Добрый вечер, Мария Афанасьевна.

Он поклонился.

И только тогда вспомнил о букете.

— Это...

Павел замолчал.

Он вдруг осознал, что совершенно не представляет, кому именно должен вручить цветы.

Маша смотрела на него.

Юлия — тоже.

Анна Сергеевна ждала.

Женщина в чёрном едва заметно улыбнулась.

А Афанасий Михайлович наблюдал за происходящим с нескрываемым интересом.

«Вот зачем он вчера предупредил про цветы», — понял Павел.

Но кому их отдавать, объяснить забыл.

Наконец Анна Сергеевна сжалась над гостем.

— Полагаю, они предназначены хозяйке дома?

— Именно!

Ответ прозвучал слишком поспешно.

Несколько человек улыбнулись.

Павел подошёл к ней.

— Анна...

Он запнулся.

— Анна Сергеевна, — мягко подсказала она.

— Простите. Анна Сергеевна.

— В первый раз прощается.

Она приняла цветы.

— Очень красивые. Благодарю вас.

Павел посмотрел на Афанасия Михайловича.

Тот едва заметно кивнул.

Экзамен номер один, по-видимому, был сдан.

— Позвольте представить остальных, — сказал хозяин дома. — Старшая моя дочь, Юлия Афанасьевна.

Юлия поднялась.

— Очень рада познакомиться.

— Павел Степанович.

— Мы о вас уже слышали.

Павел перевёл взгляд на Машу.

Та немедленно заинтересовалась чайной ложкой.

— Надеюсь, не всё?

Юлия рассмеялась.

— Теперь начинаю понимать, почему Маша...

— Юля!

— Что?

— Ничего.

— Тогда не перебивай старшую сестру.

За столом стало заметно свободнее.

Напряжение понемногу отпускало Павла.

— А это муж Юлии, Евгений Николаевич, — продолжил
Афанасий Михайлович.

Мужчины пожали руки.

Евгений был немного старше Павла. Рукопожатие крепкое, взгляд открытый.

— Поручик, — представился он.

— Павел Курдей.

Евгений сразу заметил военную выправку гостя.

— Служите?

— Да.

— Значит, коллега.

— Отчасти.

— Уже хорошо. Наконец у меня сегодня будет человек,
с которым можно говорить о вещах, доступных мужскому

разумению.

Юлия спокойно повернула к нему голову.

— Женя, единственная вещь, недоступная твоему разумению, — почему новые занавески отличаются от старых.

Евгений посмотрел на Павла.

— Видите? Вы ещё даже не сели, а всё уже началось.

Павел наконец позволил себе немного расслабиться.

Маша тоже.

И только женщина в чёрном продолжала молчать.

Афанасий Михайлович повернулся к ней.

Голос его сделался мягче.

— А это моя родная сестра. Елена Михайловна.

Женщина поднялась.

— Елена Михайловна Нирод.

Павел поклонился.

— Очень приятно.

Фамилия заставила его на мгновение замереть.

Нирод.

Где он её слышал?

Павел посмотрел на чёрное платье.

На медальон.

И память вдруг сама вытащила газетную строку.

Чемульпо.

Крейсер «Варяг».

Мичман Нирод.

Алексей Михайлович Нирод.

Павел невольно перевёл взгляд на Афанасия Михайловича.

Тот сразу понял.

— Да, — негромко сказал он.

Больше ничего объяснять не понадобилось.

Павел вновь посмотрел на Елену.

Теперь перед ним стояла не просто сестра хозяина дома.

Жена погибшего офицера.

Вдова «Варяга».

— Я помню эту фамилию, — сказал Павел.

В лице Елены что-то изменилось.

— Правда?

— Да.

Он хотел добавить обычное «примите мои соболезнования».

Но почему-то не смог.

Эти слова показались слишком маленькими.

Елена будто прочитала их раньше, чем он произнёс.

— Не надо, Павел Степанович.

— Простите?

— Не говорите того, что обычно говорят вдове.

Её голос был спокойным.

— Мне уже почти год говорят одно и то же.

Павел помолчал.

— Тогда не буду.

— Спасибо.

И впервые она улыбнулась ему.

Совсем чуть-чуть.

Анна Сергеевна разливала чай.

Павлу отвели место рядом с Евгением и почти напротив Маши.

Очень неудачное место.

Теперь он постоянно её видел.

А смотреть постоянно было нельзя.

Поэтому пришлось усиленно интересоваться всем остальным.

Чашкой.

Вазой.

Сахарницей.

Рисунком на скатерти.

Разговором Евгения.

Только не Машей.

Через несколько минут Павел понял, что Маша занимается примерно тем же самым.

И это делало положение ещё хуже.

— Сахар? — спросила Анна Сергеевна.

— Да, пожалуйста.

— Сколько?

Павел машинально посмотрел на Машу.

— Два.

Афанасий Михайлович поднял бровь.

— Почему вы спрашиваете глазами у моей дочери, сколь-

ко сахара вам класть?

Павел замер.

Евгений кашлянул в кулак.

Юлия опустила голову.

Елена прикрыла губы пальцами.

Маша вспыхнула.

— Я не спрашивал.

— Правда?

— Конечно.

— Тогда прошу прощения. Наверное, показалось.

Анна Сергеевна строго посмотрела на мужа.

— Афанасий.

— Я молчу.

Павел впервые окончательно понял одну вещь.

Маша отца не боялась.

И жена его не боялась.

И дочери.

И даже зять.

Афанасия Михайловича в этом доме не боялся никто.

Его любили.

И потому позволяли ему быть главой семьи без необходимости постоянно это доказывать.

— Вы родом из Кременчуга? — спросила Юлия.

— Да.

— Родители там?

— Там.

— Отец?

— Печник-каменщик.

Павел произнёс это спокойно.

Хотя внутри всё-таки появилось знакомое напряжение.

За этим столом сидела графиня.

Офицеры.

Люди старого дворянского рода.

Люди с положением и образованием.

А Степан Курдей строил печи.

Собственными руками.

Руками, на которых зимой трескалась кожа.

Павел поднял глаза.

Никто не улыбнулся.

Никто не переглянулся.

— Хорошее ремесло, — сказала Анна Сергеевна. — И
нужное.

— Очень, — ответил Павел.

— Вы тоже умеете?

Афанасий Михайлович усмехнулся.

— Ещё как.

Маша посмотрела на отца.

— Значит, вчера всё-таки был допрос?

— Беседа.

— У папы все допросы называются беседами.

— Мария.

— Молчу.

Евгений повернулся к Павлу.

— В самом деле умеете класть печи?

— Да.

— Офицер-печник?

— Почему нет?

— Никогда таких не встречал.

— Теперь встретили.

— Полезный человек. Если военная служба надоест, без хлеба не останетесь.

Павел улыбнулся.

— Отец всегда говорил: ремесло чина не спрашивает.

— Умный человек ваш отец, — заметила Елена.

Это были едва ли не первые её слова после знакомства.

Павел посмотрел на неё.

— Я тоже так думаю.

— А мать?

— Евдокия Петровна. Домохозяйка.

— Должно быть, скучают по вам.

Вопрос прозвучал просто.

Но почему-то Павел услышал в нём нечто большее.

— Думаю, да.

— Пишите им?

— Стараюсь.

Елена слегка опустила глаза.

— Пишите чаще.

За столом никто не придавал этому значения.

Кроме Павла.

Он понял.

Возможно, потому что был офицером.

Возможно, потому что она была вдовой офицера.

— Буду, — сказал он.

Елена кивнула.

Разговор постепенно стал свободнее.

Говорили о Петербурге.

О Кременчуге.

О службе.

О театре.

Афанасий Михайлович достал сигару.

Анна Сергеевна посмотрела на него ещё до того, как он успел спросить разрешения.

— Только одну.

— Я ещё ничего не сказал.

— За двадцать семь лет научилась угадывать.

— Вот что делает с женщиной счастливый брак.

— Нет, Афанасий. Вот что делает с женщиной двадцать семь лет наблюдений за одним и тем же мужчиной.

Евгений только развёл руками.

Юлия тоже.

Павел посмотрел на Машу.

Та прошептала:

— Всегда так.

— Мне нравится.

— Потому что вы здесь первый раз.

В лице Елены вдруг появилось что-то почти девичье.

И в этот момент её лицо словно помолодело.

Павел заметил это.

Всего на несколько секунд исчезла вдова в чёрном.

Осталась красивая молодая женщина.

А потом Афанасий Михайлович, прикуривая сигару, неосторожно сказал:

— Алексей тоже любил хорошие сигары...

Огонёк спички погас.

Тишина наступила мгновенно.

Афанасий Михайлович посмотрел на сестру.

— Лена, прости.

— За что?

В её голосе прозвучала тёплая ирония.

— Вы все ведёте себя так, будто его имя нельзя произносить.

Никто не ответил.

Елена опустила взгляд к чашке.

— А я боюсь совсем другого.

— Чего? — тихо спросила Маша.

Елена подняла голову.

— Что однажды его перестанут произносить.

Маша посмотрела на тётю.

Юлия тоже.

Елена провела пальцем по краю чашки.

— Мы прожили вместе три года.

Павел молчал.

Она говорила не ему одному.

Возможно, вообще не им.

— Всего три года, — повторила Елена. — Когда выходила за него, мне казалось, впереди у нас вся жизнь.

Она улыбнулась своим воспоминаниям.

— Я была старше Алёши на шесть лет.

Евгений знал эту историю.

Остальные тоже.

Только Павел слышал впервые.

— В нашей семье поначалу считали, что это... не совсем разумно.

Афанасий Михайлович хмыкнул.

— Некоторые считали.

— Ты тоже.

— Недолго.

— Потому что спорить со мной было бесполезно.

— Это семейное.

Маша тепло посмотрела на неё.

Но Елена уже снова смотрела куда-то далеко.

— Алёше было девятнадцать, когда мы поженились.

Она коснулась медальона.

— А когда погиб — двадцать два.

Павел почувствовал, как сжалось что-то внутри.

Двадцать два.

Не герой из газет.

Не фамилия из списка погибших.

Мальчишка.

Муж.

Человек, который успел прожить в браке всего три года.

— Он был очень молод, — тихо сказал Павел.

— Для остальных — да.

Елена посмотрела на него.

— Для меня он никогда не был мальчиком.

В комнате стало тихо.

— Он был моим мужем.

Павел опустил глаза.

Елена продолжила:

— Мне иногда говорят: «Вы ещё молоды».

Анна Сергеевна едва заметно сжала губы.

— Или: «Жизнь продолжается».

Она усмехнулась.

Не зло.

Устало.

— Как будто я этого не знаю.

Никто не перебивал.

— Конечно, продолжается.

Елена посмотрела на Машу.

— Встаёшь утром. Одеваешься. Завтракаешь. Разговариваешь. Иногда смеёшься. Приходишь к брату на чай.

Она улыбнулась Афанасию Михайловичу.

— Всё продолжается.

Потом пальцы её коснулись обручального кольца.

Павел только сейчас заметил, что она продолжает его носить.

— Только я не понимаю, почему все решили, что продолжение жизни обязательно означает другого мужчину.

Маша медленно опустила глаза.

Елена говорила совершенно спокойно.

И оттого сказанное звучало ещё сильнее.

— Алёша был первым мужчиной, которого я полюбила.

Она сделала небольшую паузу.

— И единственным.

Анна Сергеевна тихо сказала:

— Леночка...

— Всё хорошо.

Елена мягко коснулась её руки.

— Правда.

Потом взглянула на Павла.

— Поэтому не жалейте меня, Павел Степанович.

Он поднял глаза.

— Я не жалею.

Она немного удивилась.

— Нет?

— Нет.

— А что тогда?

Павел подумал.

— Не знаю, имею ли право сказать.

— Говорите.

Он посмотрел на женщину напротив.

— Мне кажется, вам очень повезло.

За столом стало совершенно тихо.

Даже Афанасий Михайлович перестал вертеть сигару между пальцами.

Елена смотрела на Павла так, будто не поняла.

— Повезло?

— Да.

Юлия тревожно посмотрела на мать.

Маша — на Павла.

Но он продолжил:

— Вам было очень больно его потерять.

Елена побледнела.

— Это вы называете везением?

— Нет.

Павел покачал головой.

— Везением я называю то, что до этого вы его встретили.

Елена не двигалась.

— Три года — мало, — продолжил Павел. — Наверное, ужасно мало.

Он перевёл дыхание.

— Но ведь были эти три года.

Пальцы Елены крепче сжали медальон.

— Были, — едва слышно сказала она.

— Значит, никто их у вас уже не отнимет.

Елена закрыла глаза.

Всего на мгновение.

Когда открыла снова, в них блестели слёзы.

Но она не плакала.

— Алёша однажды сказал почти то же самое.

Павел ничего не ответил.

— Перед уходом?

Она покачала головой.

— Раньше. Когда мы только поженились. Я тогда сказала ему, что боюсь.

— Чего?

— Всего.

На её губах появилась слабая улыбка.

— Что он слишком молод. Что я старше. Что родня будет шептаться. Что жизнь у военного беспокойная.

Елена опустила глаза.

— А он ответил: «Лена, если всё время бояться потерять счастье, можно так и не успеть побыть счастливой».

Маша перестала дышать.

Павел посмотрел на неё.

И увидел, что она смотрит на него.

Елена это заметила.

Конечно заметила.

— Он оказался прав, — сказала она.

И теперь эти слова были обращены уже не к прошлому.

К ним.

К Маше и Павлу.

Немного погодя Евгений спросил:

— Павел Степанович, вы хорошо знаете историю боя?

Тот кивнул.

— В общих чертах.

Елена не возражала.

— Алексей Михайлович был младшим штурманским офицером на «Варяге», — сказал Павел.

Она слушала.

— Мичманом.

— Да.

— Дальномерная станция номер один, — добавила она.

Павел понял, что сейчас произошло.

Она сама открыла дверь.

И теперь можно было говорить.

— Один из первых снарядов?

— Да.

Елена посмотрела перед собой.

— Я потом много раз пыталась представить последние минуты.

Анна Сергеевна положила руку поверх её ладони.

— Не надо.

— Раньше — каждый день.

Елена ненадолго задумалась.

— Теперь реже.

Она посмотрела на Павла.

— Странная вещь память. Сначала боишься вспоминать.

Потом начинаешь бояться забыть.

Павел кивнул.

— Думаю, человека окончательно теряют не тогда, когда он умирает.

Она подняла взгляд.

— А когда?

— Когда о нём больше некому помнить.

Елена долго смотрела на него.

— Тогда Алёша ещё долго будет жить.

— Будет.

— Почему вы так уверены?

Павел оглядел стол.

Афанасий Михайлович.

Анна Сергеевна.

Юлия.

Евгений.

Маша.

Потом снова посмотрел на Елену.

— Потому что сегодня о нём узнал ещё один человек.

Она улыбнулась.

Теперь уже сквозь слёзы.

— Спасибо.

После этого разговор неожиданно стал легче.

Будто Алексей Михайлович, имя которого почти год ста-

рались лишний раз не произносить, наконец получил право сидеть с ними за этим столом.

Невидимо.

Через память.

Афанасий Михайлович всё-таки закурил сигару.

Елена посмотрела на дым.

— Знаешь, Афанасий, Алёша курил их отвратительно.

Брат удивлённо поднял брови.

— Ты только что сказала, что он любил сигары.

— Любил. Но совершенно не умел выбирать.

— Наконец выяснилось, что у героя «Варяга» были недостатки.

— Масса.

Она впервые засмеялась по-настоящему.

— Он разбрасывал вещи. Вечно забывал, куда положил перчатки. Один раз полчасика искал фуражку, которая всё это время была у него под мышкой.

Юлия рассмеялась.

— Тётя Лена, ты никогда этого не рассказывала.

— Потому что вы все после его гибели сделали из Алёши бронзовый памятник.

Елена покачала головой.

— А он был человеком.

Она улыбалась.

— Живым. Смешным. Иногда ужасно несносным.

И вдруг добавила:

— Именно такого я его и люблю.

Не любила.

Люблю.

Павел услышал.

Маша тоже.

Они встретились глазами.

Когда пришло время уходить, Павел поднялся.

— Благодарю за вечер.

Анна Сергеевна улыбнулась.

— Надеюсь, теперь наш дом кажется вам немного менее страшным?

— Немного.

Афанасий Михайлович выпустил дым.

— Это потому, что сегодня мы вели себя прилично.

— Сегодня? — спросил Павел.

— Не расслабляйтесь.

Юлия бросила на него лукавый взгляд.

Евгений пожал Павлу руку.

— Заходите ещё. Хоть будет кому объяснять, что военные люди способны говорить не только о занавесках.

— Женя, — сказала Юлия.

— Всё. Молчу.

Павел попрощался с Анной Сергеевной.

С Юлией.

Пожал руку Евгению.

Потом подошёл к Елене.

— До свидания, Елена Михайловна.

— До свидания, Павел Степанович.

Она протянула руку.

Павел склонился над ней.

Но прежде чем он успел отойти, она сказала:

— Берегите себя.

Павел поднял глаза.

Елена смотрела на него.

Без улыбки.

Он понял, что эти два слова значат для неё совершенно не то, что для других.

— Буду.

Она покачала головой.

— Алёша тоже так говорил.

В комнате стало тихо.

Маша побледнела.

Павел выпрямился.

— Тогда что нужно отвечать?

Елена задумалась.

И неожиданно улыбнулась.

— Ничего.

Она посмотрела на Машу.

Потом снова на него.

— Просто помните, что, когда мужчина становится кому-то дорог, его жизнь уже не принадлежит ему одному.

Павел вспомнил вчерашний разговор с Афанасием Ми-

хайловичем.

Почти те же слова.

Только отец говорил их как мужчина.

Елена — как женщина, которая заплатила за эту истину всей оставшейся жизнью.

— Запомню, — сказал Павел.

— Вот это лучше.

Маша догнала его в передней.

— Я провожу.

Из гостиной немедленно донёсся голос отца:

— До двери!

Маша закрыла глаза.

— Папа!

— Что?

— Ничего!

Павел тихо выдохнул.

— Мне нравится ваш отец.

— Потому что вы не его дочь.

Она помогла подать ему шинель.

Несколько мгновений они молчали.

— Вам понравилось? — спросила Маша.

— Очень.

— Даже после всех вопросов?

— Даже после вашего отца.

— А тётя Лена?

Павел стал серьезнее.

— Особенно она.

Маша опустила взгляд.

— Она почти год вдова.

— Я понял.

— После дяди Алёши у неё никого не было.

Павел посмотрел на неё.

— Маша...

— Нет, я не о том.

Она искала слова.

— Я просто хочу, чтобы вы поняли. До него тоже никого не было.

Павел молчал.

— Он был у неё первым.

Маша сказала это очень тихо.

— И она говорит, что останется единственным.

Теперь Павел понял ту глубину, которой раньше не видел.

Не год траура.

Не просто погибший муж.

Целая жизнь, которая для Елены уместилась в одного человека.

— Она любила его очень сильно, — сказал Павел.

Маша посмотрела на него.

— Любит.

Он кивнул.

— Да. Любит.

За дверью было холодно.

Павел надел перчатки.

— Павел.

— Да?

Маша стояла почти рядом.

— То, что она сказала вам...

— «Берегите себя»?

— Да.

— Я понял.

— Нет.

Маша покачала головой.

— Наверное, не совсем.

Павел ждал.

— Когда дядя Алёша уходил в последний раз, она тоже попросила его беречь себя.

На мгновение Павелу стало трудно ответить.

— Он ведь не знал, что это последний раз.

— Никто не знает.

Эти слова прозвучали совсем тихо.

Они посмотрели друг на друга.

Впервые за весь вечер между ними не было ни улыбок, ни шуток.

— Поэтому тётя Лена всегда говорит, что нельзя расставаться сердитыми, — продолжила Маша. — Даже на час.

— Почему?

Маша посмотрела на дверь гостиной.

— Потому что никогда не знаешь, какое прощание ока-

жётся последним.

Павел молчал.

Потом медленно кивнул.

— Хорошее правило.

— Страшное.

— Поэтому хорошее.

Он открыл дверь.

На улицу ворвался холод.

Павел шагнул на крыльцо.

— Павел.

Он снова обернулся.

Маша стояла в полосе тёплого света.

— Приходите ещё.

На этот раз он не шутил.

— Приду.

— Обещаете?

Павел уже хотел ответить привычным «обещаю».

Но вспомнил Елену.

«Алёша тоже так говорил».

И вместо этого сказал:

— Если смогу — обязательно приду.

Маша нахмурилась.

— Это плохое обещание.

— Зато честное.

Она долго смотрела на него.

— Тогда я буду ждать.

Эти слова неожиданно ударили сильнее, чем могли.

Павел спустился со ступеней.

— До свидания, Маша.

— До свидания, Павел.

Дверь закрылась.

Он медленно шёл по вечернему Петербургу.

Начинал падать снег.

Крупный.

Тихий.

Белый.

Павел сунул руки в карманы шинели.

Пальцы наткнулись на высохшую розу.

Он достал её.

Несколько лепестков уже осыпались.

Ещё недавно этот цветок казался ему просто памятью о девушке, которая однажды пришла к его больничной койке.

Сегодня всё изменилось.

Теперь за этой дверью оставалась целая семья.

Отец, который пригласил его в дом.

Мать, принявшая его цветы.

Сестра Маши.

Её муж.

И молодая женщина в чёрном платье, которая прожила с любимым мужчиной всего три года и, потеряв его, всё равно считала себя счастливой уже потому, что эти три года у неё были.

Павел остановился.

Вспомнил её слова:

«Если всё время бояться потерять счастье, можно так и не успеть побыть счастливой».

Он посмотрел наверх.

Снег падал ему на лицо.

Где-то далеко звонили колокола.

Павел вдруг подумал о Маше.

О её тихом:

«Я буду ждать».

И впервые почувствовал не только радость.

Страх.

Потому что ждать можно лишь того, кто должен вернуться.

А каждый человек, которого ждут, однажды может не вернуться.

Он спрятал розу обратно в карман и пошёл дальше.

А в доме Немчиных Елена Михайловна ещё долго сидела у остывшего чая.

Когда остальные разошлись, она открыла медальон.

Внутри находился маленький портрет молодого мужчины в морской форме.

Двадцать два года.

Всего двадцать два.

Елена провела пальцем по его лицу.

— Знаешь, Алёша, — прошептала она, — кажется, Ма-

шенька влюбляется.

Она немного помолчала.

И улыбнулась сквозь слёзы.

— Не сердись. Я не стану её отговаривать.

Тишина.

— Ты был прав.

Она закрыла медальон.

— Лучше три года счастья, чем целая жизнь, прожитая в страхе его потерять.

За дверью слышались шаги.

Елена быстро вытерла глаза.

Но войти никто не успел.

Потому что в эту минуту в другой части дома Маша стояла у окна и смотрела вслед человеку, которого уже нельзя было разглядеть в падающем снеге.

Одна женщина вспоминала мужчину, который не вернулся.

Другая только начинала ждать мужчину, который пока возвращался всегда.

И ни одна из них ещё не знала,

насколько похожими однажды станут их судьбы.

Глава 6

Поцелуй

1905 г. В офицерском корпусе спорили уже третий час.

Началось всё с газеты.

Кто-то принёс свежий номер, потом появился ещё один, затем неизвестно откуда достали переписанный от руки отрывок из дневниковой записи Государя за девятое января.

Листок переходил из рук в руки.

Павел прочёл его дважды.

«Тяжёлый день! В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!»

Он положил бумагу на стол.

— Ну? — спросил поручик Белов.

Павел поднял на него глаза.

— Что — ну?

— Что скажешь?

— А что я должен сказать?

— Ты там был.

За столом стало тише.

Это последнее время происходило постоянно.

Стоило кому-нибудь заговорить о девятом января, как рано или поздно все вспоминали, что Курдей был там.

Не читал.

Не слышал.

Не пересказывал чужие слова.

Был.

И получил пулю.

Павел ненавидел это внимание.

— Был, — ответил он.

— Видел, как стреляли?

— Видел.

— В женщин?

Павел посмотрел на Белова.

— Не надо.

— Я спрашиваю.

— А я говорю: не надо.

С другого конца комнаты донёлся голос:

— Государь приказа стрелять не отдавал.

— А кто отдавал?

— Командование.

— А командование кому служит?

— Ты куда клонишь?

Разговор опять вспыхнул.

— Царь в Царском Селе сидел!

— Именно поэтому и не мог остановить то, чего не видел!

— Государь не обязан лично бегать по Петербургу и командовать каждым взводом!

— Зато народ шёл к нему!

— Толпа нарушала порядок!

— Там дети были!

— А среди толпы были агитаторы!

— Значит, детей тоже можно стрелять?

— Я этого не сказал!

— А что ты сказал?

Стул с грохотом отодвинулся.

Кто-то вскочил.

Другой офицер схватил его за рукав.

— Сядь.

— Не трогай меня!

— Да сядь ты, чёрт тебя дери!

Павел молчал.

Перед ним лежал листок.

«Господи, как больно и тяжело».

Он хотел верить этим словам.

Очень хотел.

Потому что с детства слово «Государь» для него стояло рядом со словами «Россия», «присяга», «честь».

Отец учил его не болтать о верности.

Верность либо есть, либо её нет.

А когда Павел принимал присягу, никто не заставлял его произносить слова.

Он произнёс их сам.

И теперь впервые в жизни обнаружил страшную вещь.

Можно оставаться верным — и всё равно задавать вопросы.

— А мне вот другое интересно, — сказал Белов. — «Войска должны были стрелять». Слышите? Должны были.

— И дальше написано: «как больно и тяжело», — возра-

Зил кто-то.

— Очень удобно.

— Ты сейчас Государя обвиняешь?

— Я читаю то, что написано.

— Осторожнее со словами.

— А что? Теперь за слова тоже стрелять будут?

Несколько человек заговорили одновременно.

Павел вдруг ударил ладонью по столу.

Не очень сильно.

Но все замолчали.

— Хватит.

Белов посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что вы сейчас друг другу глотки перегрызёте из-за того, чего никто из вас изменить не может.

— А ты можешь?

— Нет.

— Тогда почему командуешь?

Павел поднялся.

— Потому что мне надоело слушать, как офицеры русской армии начинают разговаривать друг с другом как враги.

— Может, потому что страна уже разделилась?

Эта фраза остановила его.

Павел медленно повернулся.

Произнёс её молодой подпоручик у окна.

Совсем мальчишка.

— Что ты сказал?

— То, что слышите.

Тот побледнел, но не отвёл глаз.

— На улицах одни кричат за царя. Другие — за народ. На заводах стачки. Министров снимают. Рабочие требуют представителей. Полиция хватает агитаторов. Все говорят, что будет хуже.

Он обвёл взглядом комнату.

— А мы делаем вид, будто ничего не происходит.

Никто ему не ответил.

Потому что ответить было нечего.

Святополк-Мирский ушёл.

Появился Булыгин.

В Петербурге всё чаще произносили фамилию Трепова.

Говорили о рабочих депутатах, которых возили в Царское Село.

Одни уверяли, что Государь наконец услышал народ.

Другие говорили, что никакого настоящего разговора не было, потому что рабочих заранее отбирали.

Правду уже невозможно было отделить от слухов.

Слухи — от страха.

Страх — от ненависти.

Павел подошёл к окну.

Во дворе лежал снег.

Белый.

И опять перед глазами возник другой снег.

Январский.

Он зажмурился.

Кто-то кричит.

Женщина лежит на мостовой.

Мужчина тащит ребёнка.

Кровь.

Выстрел.

Падение.

А потом лицо Маши над ним.

Павел открыл глаза.

— Я Государю присягал, — сказал он.

Никто не перебил.

— И присягу нарушать не собираюсь.

Белов кивнул.

Павел продолжил:

— Но если кто-нибудь скажет мне, что я должен забыть людей, которых видел там, — не забуду.

Он повернулся.

— И если Россия теперь требует от нас выбрать: Государь или народ...

Павел замолчал.

— Что? — спросил кто-то.

— Значит, мы уже проиграли.

— Почему?

Павел посмотрел на них.

— Потому что Государь без народа — это дворец.

Он сделал паузу.

— А народ без Государя...

— Что?

— Пока не знаю.

Никто не засмеялся.

В тот же вечер его ждало письмо.

Конверт Павел узнал сразу.

Мать.

Она всегда писала адрес крупно и старательно, словно боялась, что почтальон не разберёт хоть одну букву и письмо уйдёт куда-нибудь в Варшаву.

Павел сел возле окна.

Несколько секунд просто держал конверт.

Дом.

Кременчуг.

Отец.

Мать.

Мир, в котором всё было гораздо понятнее.

Он разорвал край.

«Павлуша, родной наш...»

Уже на этих словах он улыбнулся.

Мать писала долго.

Про соседей.

Про мороз.

Про то, что отец снова ругается на дрова и утверждает, будто нынче «даже дерево стало хуже».

Про кошку, которая родила котят возле печи.

А потом почерк становился торопливее.

«Сынок, мы с отцом просим тебя: оставь ты эту службу и возвращайся домой. Нам пишут и рассказывают, что в Петербурге беспокойно, людей убивают, везде войска. Нам ничего от тебя не нужно. Отец говорит, работы хватит. Печи люди всегда будут строить. Главное, чтобы ты был живой...»

Павел перестал читать.

Посидел.

Потом продолжил.

Внизу другим почерком было приписано:

«Павел. Мать переживает. Я тоже. Подумай. Дом у тебя есть. Руки есть. Остальное наживём. Отец».

Всего несколько строк.

Так писал Степан Курдей.

Без лишних слов.

Павел провёл пальцем по бумаге.

«Дом у тебя есть».

Он посмотрел в окно.

Петербург был чужим городом.

Огромным.

Холодным.

Тревожным.

И всё-таки теперь здесь находилось что-то, чего ещё месяц назад не было.

Маша.

Он сложил письмо.

Потом развернул снова.

И только тогда заметил маленькую приписку матери возле самого края:

«Если есть у тебя там кто-нибудь, о ком нам не пишешь, то хотя бы напиши, хорошая ли девушка».

Павел покачал головой.

— Мама...

Он взял карандаш.

Хотел ответить сразу.

Написал:

«Дорогие мама и папа...»

Остановился.

Подумал.

Добавил:

«Девушка хорошая».

И опять остановился.

Потом зачеркнул.

Написал:

«Очень хорошая».

Посмотрел.

Не понравилось.

Снова зачеркнул.

В конце концов отложил письмо.

Воевать было легче.

Через два дня Павла вызвали для окончательного расчёта.

Жалование.

Положенные выплаты.

Компенсация в связи с ранением.

И документ, который он перечитал несколько раз.

Сорок пять дней отпуска.

— Не понял? — спросил чиновник.

— Понял.

— Тогда распишитесь.

Павел расписался.

— Сорок пять?

— Сорок пять.

— Полных?

Чиновник поднял глаза.

— Молодой человек, если хотите, можем написать сорок четыре.

— Нет.

— Тогда следующий.

На улице Павел остановился.

Сорок пять дней.

Впервые за долгое время ему не надо было никуда бежать.

Не надо являться утром.

Не надо ждать распоряжений.

Не надо думать о службе.

Можно было уехать в Кременчуг.

Мать была бы счастлива.

Отец встретил бы на вокзале, сделал вид, что совершенно

спокоен, а потом весь вечер расспрашивал бы о Петербурге.

Так поступил бы разумный человек.

Павел постоял.

Потом посмотрел на деньги.

А затем совершенно неожиданно для себя подумал:

«Театр».

— В театр?

Маша смотрела на него так, словно он предложил ей вместе бежать в Париж.

— Да.

— Вы?

— А что со мной не так?

— Ничего.

— По вашему лицу вижу — очень многое.

Они стояли в гостиной Немчиных.

Афанасий Михайлович курил возле окна.

Анна Сергеевна вышивала.

Павел пришёл якобы поблагодарить за прошлый вечер.

Никто, кроме него самого, разумеется, в это не поверил.

— Я бы хотел пригласить вас в Мариинский театр, — сказал Павел.

— На что?

— «Евгений Онегин».

Маша приподняла брови.

— Вы любите Чайковского?

Павел помолчал.

— Теперь люблю.

Она оживилась.

— Вы даже не знаете оперы?

— Знаю.

— Какой ваш любимый фрагмент?

Павел посмотрел на Афанасия Михайловича.

Тот с интересом ждал ответа.

— Тот, который будет завтра.

Маша закрыла лицо рукой.

— Боже мой.

Афанасий Михайлович с интересом посмотрел на него.

— Курдей, должен признать, ухаживаете вы своеобразно.

— Но эффективно, — заметила Анна Сергеевна.

Маша повернулась к матери.

— Мама!

— А что?

— Вы все сговорились?

— Нет, — ответил отец. — Мы просто наблюдаем.

Павел кашлянул.

— Так вы пойдёте?

Маша посмотрела на него.

— Пойду.

— Мария, — сказал Афанасий Михайлович.

Павел напрягся.

— Да, папа?

Отец выдержал паузу.

— Надень синее платье.

— Почему?

— Оно тебе идёт.

Павел опустил голову, скрывая улыбку.

— А вы, Павел Степанович...

— Да?

— Верните дочь домой.

— Конечно.

— Не «конечно».

Он посмотрел Павлу прямо в глаза.

— Вовремя.

— Понял.

— Вот теперь можете идти в театр.

На следующий вечер Павел понял, что допустил серьёзную ошибку.

Он думал, что видел Машу красивой.

Нет.

До этого вечера он её красивой не видел.

Она спустилась по лестнице в том самом синем платье.

Никакой вызывающей роскоши.

Тонкая талия.

Открытая шея.

Волосы уложены выше обычного.

На груди — небольшая подвеска.

Павел забыл поздороваться.

Маша остановилась.

— Что?

— Ничего.

— Вы смотрите.

— Да.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваете?

Она покраснела.

Афанасий Михайлович появился за её спиной.

— Павел Степанович.

— Да?

— Дышите.

Анна Сергеевна не удержалась от короткого смешка.

Маша закрыла глаза.

— Папа...

— Человек раненый. Я беспокоюсь.

Павел наконец пришёл в себя.

— Вы очень красивы.

Маша посмотрела на него.

Шутка исчезла.

— Спасибо.

И впервые за весь вечер оба смутились одновременно.

Мариинский театр сиял.

Свет.

Кареты.

Офицеры.

Дамы в дорогих платьях.

Запах духов, меха, табака.

Голоса.

Шорох программок.

Павел чувствовал себя немного чужим в этом мире.

Маша заметила.

— Вам не нравится?

— Почему?

— Вы молчите.

— Боюсь что-нибудь сделать не так.

— Например?

— Не знаю. Может, здесь нельзя дышать без разрешения.

Её лицо чуть смягчилось.

— Можно.

— Хорошо.

— Только тихо.

Они заняли места.

Погас свет.

Оркестр начал увертюру.

И Павел забыл о публике.

Не потому, что настолько увлёкся спектаклем.

А потому что в полумраке почувствовал рядом Машину руку.

Она лежала на бархатном бортике.

Совсем близко.

Сначала Павел просто смотрел.

Потом медленно накрыл её пальцы своими.

Маша вздрогнула.

Он замер.

Она не убрала руку.

Павел посмотрел на сцену.

Так, словно ничего не произошло.

Через несколько секунд её пальцы едва заметно сжали его.

И после этого он уже не слышал половины оперы.

Он держал её руку.

Крепко.

Иногда слишком крепко.

В какой-то момент Маша наклонилась к нему.

— Павел.

— Что?

— Вы мне пальцы сломаете.

Он испуганно ослабил ладонь.

— Простите.

— Я пошутила.

— Очень смешно.

Она улыбнулась.

И сама переплела свои пальцы с его.

Теперь Павел окончательно потерял нить происходящего на сцене.

Татьяна писала письмо Онегину.

Оркестр то поднимался, то затихал.

Весь зал жил чужой любовью.

А Павел сидел рядом со своей.

Он ещё не мог назвать её любовью.

Не имел права.

Слишком рано.

Но уже понимал:

что-то случилось.

Что-то необратимое.

Во время антракта Маша спросила:

— Ну?

— Что?

— Как вам?

— Прекрасно.

— Что именно?

Павел посмотрел на неё.

— Всё.

Она прищурилась.

— А что сейчас происходило?

Он задумался.

— Любовь.

Маша подняла брови.

— Очень содержательно.

— Я предупреждал, что не знаток оперы.

— Зачем тогда пригласили?

Павел хотел пошутить.

Но не стал.

— Потому что хотел побыть с вами.

Улыбка исчезла с её лица.

Он продолжил:

— Не в больнице. Не у вашего отца под наблюдением. Не за столом со всей семьёй.

— А здесь, значит, никто не наблюдает?

Павел оглядел заполненное фойе.

— Здесь только половина Петербурга.

В её глазах мелькнула насмешливая искорка.

— Значительно легче.

— Намного.

Прозвенел звонок.

Они вернулись на места.

Когда погас свет, Маша сама положила свою руку в его.

После спектакля они долго ехали молча.

Петербург за окном кареты был почти чёрным.

Фонари выхватывали отдельные куски улицы.

Снег.

Фасады.

Редких прохожих.

Павел смотрел на Машу.

Она заметила.

— Опять?

— Что?

— Смотрите.

— А нельзя?

— Можно.

— Тогда буду.

— Вы сегодня какой-то странный.

— Сегодня?

— Хорошо. Всегда.

Он задержал на ней взгляд.

Потом вдруг сказал:

— У меня сорок пять дней отпуска.

— Правда?

— Да.

— Поедете домой?

Вот он.

Вопрос, которого Павел сам себе не хотел задавать.

— Родители зовут.

— В Кременчуг?

— Да.

Маша посмотрела в окно.

— Конечно, вам надо поехать.

Слишком спокойно.

— Хотите, чтобы я уехал?

— При чём здесь я?

— При том.

— Родители скучают.

— Я спрашиваю не про родителей.

Маша молчала.

Карета качнулась.

— Не хочу, — сказала она.

Павел почувствовал, как внутри что-то перевернулось.

— Что?

— Вы прекрасно слышали.

— Хочу ещё раз.

— Не злоупотребляйте.

— Маша.

Она посмотрела на него.

Он впервые увидел в её глазах то, что до сих пор только надеялся увидеть.

Страх потерять.

Пусть ненадолго.

Пусть всего на несколько недель.

Но потерять.

— Я тоже не хочу уезжать, — сказал Павел.

— Но поедете?

Он задумался.

— Поеду.

Она отвернулась.

— Правильно.

— А потом вернусь.

Маша ничего не сказала.

Но её рука нашла его руку в темноте.

Возле дома Немчиных карета остановилась.

Павел вышел первым.

Подавал Маше руку.

Она спустилась.

И увидела белую розу.

Павел достал её откуда-то из-за спины.

Один цветок.

На необыкновенно длинном стебле.

Маша замерла.

— Опять белая?

— Других для вас не существует.

— В прошлый раз папа сказал...

— Вашего отца сейчас здесь нет.

— Очень смелый человек.

— Я проверил окна.

Она подняла голову.

На втором этаже горел свет.

— Зря.

Павел тоже посмотрел.

— Думаете, видит?

— Мама наверняка не спит.

— Тогда я просто вручу цветок и немедленно уйду.

— Очень разумно.

Он протянул ей розу.

Маша взяла.

— Спасибо.

— До свидания.

— До свидания.

И никто не двигался.

Маша стояла на первой ступени.

Павел — перед ней.

Снег падал между ними.

Она посмотрела на него теплее.

— Вы собирались уходить.

— Собирался.

— Что мешает?

— Не знаю.

— Тогда подумайте.

— Думаю.

— И?

— Стало хуже.

Она тихо засмеялась.

Павел посмотрел на её губы.

Маша перестала смеяться.

Она поняла.

Мгновение — и между ними исчезло всё.

Театр.

Улица.

Снег.

Дом.

Офицерский корпус.

Царь.

Рабочие.

Выстрелы.

Кременчуг.

Весь огромный мир сузился до нескольких сантиметров между их лицами.

Павел сделал шаг.

Маша не отступила.

— Можно? — тихо спросил он.

Она ничего не ответила.

Только смотрела.

Павел поднял руку и осторожно коснулся пальцами её щеки.

Маша закрыла глаза.

Этого оказалось достаточно.

Он поцеловал её.

Сначала почти осторожно.

Будто всё ещё давал возможность отстраниться.

Но Маша не отстранилась.

И тогда что-то, что Павел удерживал в себе все эти недели — с больничной койки, с первой белой розы, с ожидания возле двери, с её руки в темноте театрального зала, — сорвалось.

Он притянул её ближе.

Поцелуй стал глубоким.

Настоящим.

Уже не тем целомудренным прикосновением губ, которым можно было бы потом объяснить самому себе, что ничего не произошло.

Произошло.

Маша замерла от неожиданности.

На одно короткое мгновение.

А потом её пальцы сжали лацкан его пальто.

Она ответила.

Павел почувствовал это — и потерял последнюю осторожность.

Он целовал её так, словно завтра должен был уехать.

Так, словно боялся, что если сейчас отпустит, то всё случившееся окажется сном.

Белая роза дрожала в Машиной руке.

Где-то далеко проехала карета.

Снег падал им на волосы.

Наконец Маша отстранилась.

Не резко.

Просто потому, что обоим уже нечем было дышать.

Несколько секунд они стояли совсем близко.

Павел смотрел на неё.

Маша — на него.

Щёки её горели.

— Павел...

Он испугался.

— Простите.

Её глаза расширились.

— За что?

— Я...

— Только попробуйте сейчас сказать, что не должны были этого делать.

Он замолчал.

— Не скажу.

— Вот и хорошо.

И тут она сама быстро поцеловала его.

Совсем иначе.

Коротко.

Почти невинно.

Но теперь уже первой.

Павел остолбенел.

Маша отступила на ступень.

— Это чтобы было честно.

— Что?

— Теперь виноваты оба.

Он покачал головой.

— Маша...

— Тихо!

Она посмотрела наверх.

— Мама.

Мама действительно была там.

Анна Сергеевна стояла за занавеской второго этажа.

Она подошла к окну только потому, что слышала карету.

По крайней мере именно так она потом объяснила бы самой себе.

Увидела дочь.

Павла.

Белую розу.

Улыбнулась.

Потом увидела, как молодой человек сделал шаг к Маше.
Анна Сергеевна хотела отойти от окна.

Не отошла.

— Господи, — прошептала она.

А когда Павел поцеловал её дочь, женщина невольно прижала ладонь к груди.

Первой мыслью было:

«Афанасий убьёт его».

Второй:

«Нет. Сначала убьёт Машу».

И только третья заставила Анну Сергеевну улыбнуться.

Потому что неожиданно вместо собственной дочери она увидела себя.

Совсем молодую.

И другого молодого мужчину.

Афанасия.

Смешного.

Самоуверенного.

С усами, которыми он тогда чрезвычайно гордился.

Она вспомнила один летний вечер.

Крыльцо.

Сад.

Как он целый час говорил о какой-то совершенно ненужной книге, потому что боялся сказать главное.

А потом вдруг замолчал.

И поцеловал её.

Так же неожиданно.

Так же неправильно.

Так же прекрасно.

Анна Сергеевна закрыла глаза.

Сколько лет прошло?

Больше двадцати.

Дети выросли.

Юлия замужем.

Теперь вот Маша стоит под её окном с молодым офицером.

А ей самой иногда казалось, будто всё это произошло вчера.

— Аня?

Она вздрогнула.

За спиной стоял Афанасий Михайлович.

— Что ты здесь делаешь?

— Ничего.

Он подошёл.

— Почему стоишь за шторой?

— Смотрю.

— На что?

Анна Сергеевна моментально задёрнула занавеску.

— На снег.

— В темноте?

— Очень красивый.

Афанасий Михайлович прищурился.

— Вернулась?

— Кто?

— Мария.

— Наверное.

— А Павел?

— Что Павел?

Он подошёл к окну.

Жена встала перед ним.

— Афанасий.

— Что?

— Не надо.

Он посмотрел на неё.

Потом на занавеску.

Потом снова на неё.

Всё понял.

— Он что...

— Афанасий.

— Я спрашиваю...

Анна Сергеевна положила ладони ему на грудь.

— Ты помнишь наш первый поцелуй?

Вопрос был настолько неожиданным, что он замолчал.

— При чём здесь...

— Помнишь?

Он нахмурился.

— В саду.

— Нет.

— Как нет?

— На крыльце.

— А сад был рядом.

Она рассмеялась.

— Двадцать семь лет прошло, а ты всё равно споришь.

— Аня...

— Я тогда очень боялась, что отец увидит.

Афанасий Михайлович посмотрел на жену.

Она улыбалась.

Так, как давно уже не улыбалась.

Не как мать двух взрослых дочерей.

Не как хозяйка дома.

А как та девушка, которую он когда-то впервые поцеловал на крыльце.

Он вздохнул.

— Долго?

— Что?

— Они там...

— Афанасий!

— Я отец.

— Именно поэтому лучше не знать.

Он несколько секунд боролся с собой.

Потом отвернулся от окна.

— Хорошо.

Сделал два шага.

Остановился.

— А цветы принёс?

Анна Сергеевна понимающе кивнула.

— Белую розу.

— Опять?

— Опять.

Афанасий Михайлович покачал головой.

— Никакого воображения у человека.

— Думаю, дело не в воображении.

Он посмотрел на жену.

— Ты его защищаешь?

— Пока нет.

— А когда начнёшь?

Анна Сергеевна снова взглянула на закрытую штору.

— Боюсь, уже начала.

На улице Маша всё ещё держала белую розу.

— Мне пора.

— Знаю.

— Папа будет ждать.

— Теперь точно знаю.

— Почему?

— Почему-то стало холодно.

Она рассмеялась.

Павел взял её руку.

— Маша.

— Да?

— Я всё-таки поеду в Кременчуг.

Улыбка исчезла.

— Когда?

— Через несколько дней.

— Надолго?

— Не знаю. Недели на две. Может, три.

— У вас сорок пять дней.

— Все сорок пять там не останусь.

— Почему?

Он посмотрел на неё.

— Потому что теперь мне есть куда возвращаться.

Она опустила глаза.

Белая роза дрогнула.

— Напишите?

— Каждый день.

— Каждый день не надо.

— Почему?

— Мне тогда придётся каждый день отвечать.

— В этом и замысел.

На мгновение её лицо стало мягче.

Потом стала серьёзной.

— Павел.

— Что?

— Там, дома...

Она замолчала.

— Что?

— Расскажите обо мне?

Он вспомнил письмо матери.

«Если есть у тебя там кто-нибудь...»

— Уже рассказал.

Маша широко раскрыла глаза.

— Кому?

— Матери.

— Что?!

— Совсем немного.

— Что именно?!

Павел отступил на шаг.

— Что вы хорошая девушка.

— Павел!

— Очень хорошая.

— Вы написали вашей матери обо мне?!

— Да.

— И что она сказала?

— Пока ничего. Письмо ещё здесь.

Маша несколько секунд смотрела на него.

Маша несколько секунд смотрела на него, потом покачала головой.

— Невыносимый человек.

— Мне это уже говорили.

Она поднялась ещё на одну ступень.

Павел не отпускал её руки.

— До завтра?

— Завтра.

— А послезавтра?

— Павел...

— Хорошо. Завтра начнём с завтра.

Она высвободила пальцы.

— Идите.

— Иду.

— Вы не идёте.

— Сейчас.

— Павел!

Он наконец спустился.

Маша открыла дверь.

— До свидания.

— До свидания.

Она уже почти скрылась внутри, когда он окликнул:

— Маша!

Она выглянула.

— Что?

Павел выдержал паузу.

— Опера мне понравилась.

Маша посмотрела на него.

— Лжец.

И закрыла дверь.

Павел шёл обратно пешком.

Ему хотелось идти.

Долго.

Без цели.

Впервые за несколько недель Петербург не казался ему
только городом выстрелов.

Сегодня здесь звучала музыка.

Сегодня он держал Машу за руку.

Сегодня целовал её.

Он вдруг остановился посреди тротуара.

«Целовал».

От одного этого слова стало смешно.

Прохожий недовольно обошёл его.

Павел двинулся дальше.

Но через несколько шагов радость немного отступила.

В кармане лежало письмо родителей.

В другом — отпускное удостоверение.

Перед глазами возникла утренняя комната офицерского
корпуса.

Спор.

Государь.

Народ.

Присяга.

Выстрелы.

Россия словно разламывалась где-то глубоко под ногами,
а люди наверху продолжали жить.

Покупали цветы.

Ходили в театр.

Влюблялись.

Целовались на крыльце.

Писали матерям.

Ждали весны.

И Павел вдруг понял:

может быть, именно поэтому жизнь и продолжалась.

Не потому, что вокруг было спокойно.

А вопреки тому, что спокойно уже не было.

Он поднял голову.

Над Петербургом висело чёрное зимнее небо.

Где-то далеко, за десятками улиц и застав, начинались заводские окраины.

Там спорили о свободе.

В казармах спорили о присяге.

В министерствах менялись люди.

В Царском Селе решали, что делать со страной.

А в доме за его спиной девушка поставит белую розу в воду и, возможно, ещё долго не сможет уснуть.

Павел ещё раз оглянулся на дом.

Он пока оставался верен царю.

Верил в Отечество.

Верил, что Россия переживёт эту смуту.

И совершенно не подозревал, что самое важное решение этих дней он принял не в строю, не перед знаменем и не во время офицерского спора.

Он принял его несколько минут назад на заснеженном крыльце.

Когда понял, что хочет возвращаться к одному человеку.

Всегда.

На втором этаже Анна Сергеевна осторожно вошла в комнату дочери.

Маша стояла перед зеркалом.

Белая роза лежала на столе.

— Хороший был спектакль? — спросила мать.

Маша вздрогнула.

— Мама!

— Что?

— Ты давно здесь?

— Только вошла.

Маша посмотрела на неё подозрительно.

— «Евгений Онегин»?

— Да.

— Понравился?

— Очень.

Анна Сергеевна подошла к столу.

Взяла белую розу.

— Какая длинная.

— Мама...

— Что?

— Ничего.

Мать поставила цветок обратно.

Повернулась к дочери.

Щёки Маши всё ещё были чуть розовыми.

Губы — припухшими от поцелуя.

Анна Сергеевна всё поняла окончательно.

Но ничего не сказала.

Только поправила выбившуюся прядь у её виска.

— Мамочка...

— Да?

— Ты папе ничего не говорила?

Анна Сергеевна подняла брови.

— А что я должна была ему говорить?

Маша замерла.

— Значит, ты видела.

— Я этого не сказала.

— Мама!

Анна Сергеевна ничего не сказала.

И вдруг обняла дочь.

Просто так.

Маша сначала удивилась.

Потом прижалась к ней.

— Ты сердишься?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— А папа?

Мать вздохнула.

— Папа когда-то был молодым.

— Это было очень давно.

— Мария!

Обе на мгновение забыли о тревоге.

Потом Анна Сергеевна отстранилась и посмотрела дочери в глаза.

— Только одно запомни.

— Что?

— Не отдавай сердце человеку только потому, что он красиво целуется.

Маша вспыхнула.

— Мама!

— Я ничего не видела.

— Ты ужасная.

— Зато опытная.

Маша отвернулась.

— Он не поэтому мне нравится.

— Я знаю.

Анна Сергеевна подошла к двери.

— Мама.

Она обернулась.

— А почему ты вышла за папу?

Анна Сергеевна задумалась.

Из коридора донёсся голос Афанасия Михайловича:

— Аня!

Она только покачала головой.

— Вот поэтому.

— Почему?

— Потому что даже спустя двадцать семь лет он зовёт ме-

ня из соседней комнаты, будто без меня не может найти собственные очки.

— Я всё слышу! — донеслось из коридора.

Маша прыснула.

— И нашёл! — крикнул Афанасий Михайлович.

Анна Сергеевна открыла дверь.

— Где?

— У меня в кармане.

Мать посмотрела на дочь.

— Вот видишь.

И вышла.

Маша осталась одна.

Подошла к столу.

Взяла белую розу.

Поднесла к лицу.

Потом прикоснулась пальцами к губам.

Закрыла глаза.

И ещё долго лежала с закрытыми глазами.

За окном падал снег.

Ей было девятнадцать лет.

Она была влюблена.

И в эту ночь ей казалось, что впереди у них с Павлом целая жизнь.

Глава 7

Дорога домой

1905 г. На следующий день Павел явился в дом Немчиных раньше обычного.

Не намного.

Всего на двадцать минут.

Но Афанасий Михайлович, взглянув на часы, заметил:

— Если вы будете продолжать приходить всё раньше, Павел Степанович, то через неделю начнёте являться к завтраку.

— Могу исправиться.

— Не надо. Анна всё равно кормит каждого, кто переступает этот порог.

Из соседней комнаты донёсся голос Анны Сергеевны:

— Я всё слышу!

Афанасий Михайлович даже не повернул головы.

— Вот видите. Ещё и слух превосходный.

Павел улыбнулся, но сегодня улыбка получилась натянутой.

Афанасий Михайлович это заметил.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда зачем вы третий раз за минуту поправляете перчатки?

Павел посмотрел на собственные руки.

Действительно.

Поправлял.

Он снял перчатки окончательно.

— Мне нужно с вами поговорить.

Афанасий Михайлович отложил газету.

— Опять?

— Опять.

— Начинаю подозревать, что наше знакомство состоит исключительно из разговоров, после которых моя дочь краснеет.

Павел молчал.

Хозяин дома посмотрел на него внимательнее.

Потом указал на кресло.

— Садитесь.

— Я лучше постою.

— Сквер я вам сегодня предложить не могу. На улице снег.

Павел всё-таки сел.

Афанасий Михайлович подождал.

— Я послезавтра уезжаю в Кременчуг.

— Знаю.

— Маша сказала?

— Нет.

— Тогда откуда?

— Павел Степанович, у меня две дочери. Я двадцать с лишним лет женат. Если мужчина начинает смотреть на женщину так, будто расставание на две недели представляет государственную катастрофу, обычно достаточно не быть сле-

ПЫМ.

Павел смутился.

— Я хотел поговорить именно о Маше.

Афанасий Михайлович больше не шутил.

— Слушаю.

Павел несколько секунд собирался с мыслями.

Почему-то в январе, когда вокруг свистели пули, ему было проще.

Там не требовалось подбирать слова.

— Я еду к родителям.

— Это я понял.

— Я давно их не видел. После ранения мать написала, чтобы я оставил службу и возвращался домой.

— Собираетесь?

— Оставлять службу?

— Да.

— Нет.

Афанасий Михайлович кивнул.

Кажется, другого ответа он и не ждал.

— Но дело не в этом, — продолжил Павел. — Я хочу рассказать им о Марии Афанасьевне.

— Вы уже рассказывали.

Павел удивился.

— Откуда вы...

— Машенька вчера полвечера пыталась выяснить у матери, что именно вы могли написать о ней своей Евдокии Пет-

ровне.

Павел опустил голову.

— Понятно.

— Поэтому я повторю вопрос. Что вы хотите от меня?

Вот теперь отступать было некуда.

Павел поднял глаза.

— Я хочу попросить разрешения взять Машу с собой.

В комнате стало тихо.

Настолько, что из столовой было слышно, как кто-то поставил чашку на блюдце.

Афанасий Михайлович не изменился в лице.

— В Кременчуг?

— Да.

— С вами?

— Да.

— Послезавтра?

— Да.

Пауза.

— Вы либо очень храбрый человек, Павел Степанович, либо последствия ранения оказались серьёзнее, чем предполагали врачи.

— Я всё обдумал.

— Это меня и беспокоит.

Павел хотел ответить, но дверь открылась.

На пороге появилась Маша.

За ней — Елена Михайловна.

Маша посмотрела сначала на отца.

Потом на Павла.

— Что происходит?

— Ничего, — ответил Афанасий Михайлович.

— Папа, когда ты говоришь «ничего» таким голосом, обычно происходит всё.

Елена подошла к окну.

На ней по-прежнему было чёрное платье. Медальон с портретом Алексея лежал на груди.

Она взглянула на Павла.

— Вы уже сказали?

— Что? — спросила Маша.

Елена едва заметно смягчилась.

— Значит, ещё нет.

Маша перевела взгляд на Павла.

— Что вы собирались сказать?

Павел встал.

— Я предложил вашему отцу отпустить вас со мной в Кременчуг.

Маша застыла.

— Меня?

— Вас.

— С вами?

— Именно это почему-то сегодня все переспрашивают.

Она посмотрела на отца.

— Папа?

Афанасий Михайлович сложил руки на груди.

— А что «папа»?

— Что ты ответил?

— Пока пытаюсь понять, когда моя дочь успела настолько осмелеть, что уже мысленно собралась ехать с молодым человеком через половину империи.

— Я никуда мысленно не собралась!

Елена тихо произнесла по-французски:

— *Ma chère, votre visage dit exactement le contraire.*

Маша мгновенно повернулась к ней.

— Тётя Лена!

Павел сделал вид, что не заметил укола.

— *Je crains que Madame Nirod ait raison.*

Теперь повернулись уже обе.

Елена посмотрела на Павла с явным интересом.

— *Vous parlez français?*

— *Assez bien pour comprendre quand on parle de moi.*

Маша медленно прищурилась.

— Павел...

— Да?

— Вы всё поняли?

— Почти каждое слово.

— И раньше понимали?

— Разумеется.

Она вспыхнула.

— И молчали?!

— Меня никто не спрашивал.

Елена откровенно развеселилась.

— Voilà un homme dangereux, Marie.

Павел ответил совершенно спокойно:

— Seulement pour ceux qui parlent de moi en français en pensant que je ne comprends rien.

Теперь Елена уже не скрывала веселья.

Даже Афанасий Михайлович приподнял брови.

— Вот это интересно.

Он посмотрел на Павла.

— Где вы так выучили французский?

— Начал ещё во время учёбы. Потом занимался дополнительно. Читал.

— Что читали?

— Гюго. Дюма. Немного Мопассана.

— В оригинале?

— Словарь иногда требовался. Но да.

Афанасий Михайлович ничего не сказал.

Только посмотрел на дочь.

Маша смотрела так, будто лично имела отношение к образованию Павла.

— Папа, — сказала она, — ты разочарован?

— Напротив.

Он снова взглянул на Павла.

— Начинаю понимать, почему вы так быстро сделали карьеру.

Павел спокойно ответил:

— Я пока ничего особенного не сделал.

— Вот это тоже неплохой ответ.

Взгляд Маши сказал ему больше слов.

Павел понял: ещё один маленький экзамен он, кажется, сдал.

Афанасий Михайлович вернулся к главному:

— Допустим, я соглашусь. Как вы себе это представляете?

— Поездом.

— Я надеялся, что не верхом.

Маша прыснула.

Павел продолжил:

— Дорога дальняя. Я понимаю, что вдвоём нам ехать неприлично.

— Уже легче.

— Поэтому...

Он взглянул на Елену.

Та приподняла бровь.

— Поэтому? — повторил Афанасий Михайлович.

— Если Елена Михайловна согласится сопровождать Машу...

Теперь замерла уже Елена.

— Меня?

— Вас.

— Сегодня действительно день удивительных предложений.

Маша смотрела на тётю широко раскрытыми глазами.

— Тётя Лена...

Елена не отвечала.

Повернулась к окну.

За стеклом медленно падал снег.

Павел вдруг пожалел, что вообще произнёс это.

Кременчуг.

Дорога.

Поезд.

Для него это было возвращением домой.

Для Елены всякая дорога с военным человеком, наверное, означала совсем другое.

Последний отъезд.

Последний вокзал.

Последнее «до свидания».

Алексей.

Он уже хотел сказать, что предложение было глупым, когда Елена спросила:

— Когда поезд?

— Послезавтра вечером.

— Сколько будем в Кременчуге?

Павел растерялся.

— Неделю. Может, немного больше.

— Где мы остановимся?

— У родителей. Дом небольшой, но...

Елена повернулась.

— Я спрашивала не о размере дома.

— Простите.

Она задумалась.

А потом сказала:

— Хорошо.

Маша ахнула:

— Правда?!

— Mon Dieu, Marie, ne criez pas comme une enfant.

— Я не кричу!

Павел тихо добавил:

— Un peu quand même.

Маша резко повернулась к нему.

— И вы туда же?!

— Я сказал только, что немного всё-таки кричите.

— Я поняла!

— Тогда мой французский действительно неплох.

Елена одобрительно кивнула.

— Очень неплох.

Маша снова повернулась к тёте.

— Ты правда поедешь?

Елена посмотрела на племянницу.

И впервые за последние минуты в её лице появилось что-то совсем тёплое.

— Поеду.

Маша бросилась к ней и обняла.

Елена осторожно высвободилась из объятий.

— Осторожнее. Я ещё не успела пожалеть о своём решении.

Афанасий Михайлович наблюдал за ними молча.

Потом посмотрел на Павла.

— Вы довольны?

— Очень.

— Рано.

— Почему?

— Потому что я ещё не сказал «да».

Все повернулись к нему.

Афанасий Михайлович выдержал паузу.

Долго.

Слишком долго.

— Папа!

— Маша.

— Ну пожалуйста!

— Вот именно после «ну пожалуйста» отец обязан отказать хотя бы из воспитательных соображений.

Анна Сергеевна появилась в дверях.

— Афанасий, перестань мучить детей.

— Каких детей? Перед тобой взрослый офицер.

— Тогда перестань мучить офицера.

Она посмотрела на Павла.

— Конечно, поезжайте.

Афанасий Михайлович медленно повернул голову к жене.

— Аня.

— Что?

— Мы вроде бы обсуждаем судьбу нашей дочери.

— Именно поэтому я вмешалась.

Елена тихо сказала:

— *La bataille est perdue, mon frère.*

Афанасий Михайлович прищурился.

Но Павел опередил его:

— *Pas encore.*

На этот раз хозяин дома посмотрел на него с улыбкой.

— Не злоупотребляйте преимуществом знания языка, Павел Степанович.

— Не буду.

— Не верю.

Маша опустила глаза.

Афанасий Михайлович вздохнул.

— Хорошо.

Маша замерла.

— Что — хорошо?

— Поезжай.

Несколько секунд она просто смотрела на отца.

Потом бросилась к нему.

— Папочка!

— Вот этого я и боялся.

Она обняла его за шею.

— Спасибо!

— Машенька, мне пятьдесят один год. Не задуши родите-

ля раньше времени.

— Я тебя люблю.

— Это смягчает обстоятельства.

Он поцеловал дочь в висок.

Но когда она отстранилась, лицо его снова стало серьёзным.

— Павел Степанович.

— Да?

— Теперь мы поговорим без шуток.

Павел выпрямился.

— Я слушаю.

— Я доверяю вам свою дочь.

Всего одна фраза.

Но она неожиданно оказалась тяжелее любого приказа.

— Понимаю.

— Нет.

Павел уже слышал от него это слово.

Тогда — возле лечебницы.

«Пока нет».

Афанасий Михайлович продолжил:

— Поймёте потом. Когда у вас самого появится дочь.

Маша вспыхнула.

— Папа!

— Что?

— Ничего.

— Вот и хорошо.

Он снова посмотрел Павлу прямо в глаза.

— Елена едет с вами. В дороге Мария находится под её попечением. Никаких глупостей.

— Афанасий! — сказала Анна Сергеевна.

— Что «Афанасий»? Я был молодым мужчиной.

— Очень давно, — напомнила Маша.

— Мария!

Елена отвернулась к окну, скрывая улыбку.

Павел покраснел.

— Обещаю.

Афанасий Михайлович протянул руку.

— Тогда договорились.

Павел пожал её.

Крепко.

И почему-то почувствовал, что это было уже не рукопожатие знакомых.

Что-то изменилось.

Совсем немного.

Но изменилось.

Послезавтра Петербург провожал их снегом.

Вокзал гудел голосами.

Носильщики катили тележки с багажом.

Где-то плакал ребёнок.

Дамы в мехах прощались с родственниками.

Военные обнимали товарищей.

Паровоз тяжело дышал впереди состава, выпуская белые

клубы пара, которые смешивались с морозным воздухом.

Павел приехал первым.

Разумеется.

Через десять минут появилась семья Немчиных.

Афанасий Михайлович.

Анна Сергеевна.

Маша.

Елена.

И такое количество багажа, что Павел на несколько секунд потерял дар речи.

— Мы едем на неделю? — спросил он.

Маша посмотрела на чемоданы.

— Конечно.

— А остальной дом?

— Что?

— Вы его когда привезёте?

Она возмутилась:

— Это не всё моё!

Елена спокойно указала на небольшой чёрный саквояж.

— Вот моё.

Павел посмотрел на остальные чемоданы.

Потом на Машу.

— Значит...

— Не начинайте.

— Даже не думал.

— Вы подумали.

— Возможно.

— Павел!

Анна Сергеевна понимающе посмотрела на него.

Афанасий Михайлович подозвал Павла в сторону.

— Деньги есть?

— Есть.

— Достаточно?

— Афанасий Михайлович...

— Я спрашиваю не для того, чтобы вас унижить.

Павел помолчал.

— Достаточно.

— Если понадобится...

— Не понадобится.

Отец Маши посмотрел на него.

Потом кивнул.

— Хорошо.

Несколько секунд они молчали.

— И ещё.

— Да?

Афанасий Михайлович посмотрел туда, где Маша что-то оживлённо рассказывала матери.

— Она никогда так далеко без нас не уезжала.

Павел впервые услышал в его голосе тревогу.

Не отцовскую строгость.

Тревогу.

— Я постараюсь, чтобы всё было хорошо.

Афанасий Михайлович взглянул на него.

Павел специально не сказал: «Я обязательно привезу её обратно».

После слов Елены о последнем прощании подобные обещания звучали слишком самоуверенно.

Афанасий Михайлович, кажется, понял.

— Вот так лучше.

Прозвучал первый звонок.

Маша обняла мать.

Потом отца.

Долго.

— Пиши, — сказала Анна Сергеевна.

— Каждый день.

— Каждый день не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.